

РОБКИЙ БОСС

ГАЛИНА МИЛОГРАДСКАЯ

18+

Галина Милоградская

Робкий босс

«Автор»

2023

Милоградская Г.

Робкий босс / Г. Милоградская — «Автор», 2023

Дима столько лет живёт один, что уже забыл, каково это — быть в отношениях. И симпатия к сотруднице конечно же лишь флирт, ничего большего. Но всякий раз, когда она появляется в кабинете, сердце падает в желудок. Глупо верить в любовь и тем более надеяться на ответные чувства, поэтому всё, что Дима может себе позволить — любоваться Наташей издалека, тайком вздыхая. Сева, конечно, не сводник, а всего лишь Димина правая рука, но смотреть на страдания начальства устал. Этих двух надо просто взять за руку и свести вместе. В этой борьбе всё методы хороши!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Глава седьмая	23
Глава восьмая	27
Глава десятая	33
Одиннадцатая глава	36
Двенадцатая глава	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Милоградская

Робкий босс

Глава первая

Пыль кружилась в солнечном столбе, падавшем на пол. Кружилась так медленно, что Сева мог пересчитать каждую крохотную крупинку, лениво и нагло танцующую перед самым носом. Разглядывание пыли, пожалуй, было единственным развлечением заместителя главврача больницы в перерывах между рутинной и авралом. Дима, сидящий за столом, кажется, полностью разделял его мнение, нечитаемым взглядом уставившись прямо перед собой. Вытянутые под стол ноги, скрещенные на груди руки и слишком задумчивое выражение лица. Но вот он встрепенулся – Сева не заметил бы, не наблюдай он за ним последние три минуты, терпеливо ожидая, пока на начальство найдёт озарение. Расслабленность слетела, будто паутина, сброшенная рукой. Ничто в позе не изменилось, но зрачки слегка расширились и нос потянул воздух. Ещё минута, и слух уловил шустрый перестук каблучков. Сева готов был поклясться, что на его губах готова была мелькнуть улыбка, хотя взгляд остался спокойным, почти равнодушным. Ещё две секунды, дверь открылась, пропуская недовольную Наташу. Яркая, солнечная блондинка, сейчас она походила на фурию, даже длинные волосы, разметавшиеся по плечам, походили на змей.

– Дмитрий Николаевич! – не останавливаясь, она подошла к столу и практически нависла над ним, прожигая яростным взглядом. – Вы опять не подписали моё заявление о расширении хирургического крыла! В третий раз!

– Прости, Наташ, – протянул он и почесал затылок. – Видимо, твоё заявление затерялось где-то в бумагах. Или, – он качнул головой в сторону Севы, – кто-то не донёс его до меня.

– Врёте, – отмахнулась Наташа и прищурилась. – Просто признайтесь, что вам жалко денег.

– Наташ, ты же знаешь, как меня заботит благополучие больницы.

– Так сильно, что, вместо того, чтобы выделить деньги, вы заставляете меня отрываться от работы и бежать к вам, чтобы их выбить!

– Хм. – Дима задумчиво постучал пальцем по губам. – Пожалуй, ты права, об этом я не подумал.

– Так вы подпишете? – недоверчиво спросила Наташа.

– Оставь Севе, всё подпишу.

– Вы говорили это в прошлый раз. – Голос Наташи опасно понизился до свистящего шепота. – И в самый первый.

– В этот раз всё подпишу, обещаю. – Дима наконец выпрямился и вдруг взмахнул ресницами, становясь похож на побитого щенка. – Извини старика, с памятью проблемы.

– Да ну вас, нашли старика! – на щеках Наташи вдруг проступили бледные розовые пятна. Смутившись от этого ещё больше, она махнула рукой и, бросив напоследок: – Только попробуйте обмануть! – вышла из кабинета.

Ровно три с половиной секунды Дима провожал её взглядом, скользнув по фигуре снизу-вверх и обратно, потом тихо вздохнул, потёр переносицу и прикрыл глаза. Две секунды. Сева считал, ожидая привычного:

– Что у нас там с работой, Сев?

Каждый взгляд, каждый жест главврача был выучен Севой и просчитан до доли секунд. И с недавних пор взгляд стал чуть дольше, а вздох – чуть слышнее. Неужели он выглядит так

же, когда смотрит на Соню? Если так, то дело плохо. Щёлкнув по ноутбуку, выводя из спящего режима, Сева повернул его к Диме и открыл папку.

– Из министерства пришло письмо. Ничего важного, но ознакомиться надо.

Кивнув, Дима погрузился в чтение первого документа, а Сева снова покосился на него и подумал: когда же он наконец поймёт, что по уши влюблён в свою бывшую ученицу? Первые полгода, заступив на должность, Дима усиленно пытался вынырнуть из навалившейся бумажной рутины, брюзжал, как старик, на свалившуюся ответственность и сбегал при первой же возможности, говоря, что принесёт больше пользы в операционной, чем в кабинете. Но Сева отлавливал, возвращал и почти насильно усаживал за стол. А потом... Дима придумал развлечение, которое сам, видимо, считал очень остроумным. Он начал изводить знакомых, вынуждая приходить и срывать незначительные совещания, а ещё – отвлекать от дел. Продумывал дни, когда присутствие посторонних не сможет навредить действительно важным вещам, и получал истинное удовольствие, видя, как друзья начинают возмущаться и пререкаться с ним.

Первым, как ни странно, его раскусил анестезиолог Ваня. В очередной раз раскатисто расхохотался, заверил, что в Диме бурлит подростковый энтузиазм, и, если он хочет видеть его чаще, пусть просто скажет, он, Ваня, готов быть рядом в любую минуту. Потом отвалился Пашка, глава детского отделения, смирившись, что от главврача никаких поблажек не добиться, сколько ни умоляй. А о важном всегда можно попросить, подловив на улице и затянув в бар. Онколог Стас сопротивлялся дольше. Всегда спокойный, он с такой настойчивостью пытался добиться необходимого, что в итоге Дима просто перестал его вызывать. Осталась Наташа. Казалось бы, глава отделения ортопедической хирургии должна была раскусить бывшего учителя первой, но почему-то не смогла. Раз за разом врывается в кабинет, возмущалась, угрожала, уходила, не получив своего. А получив, просила что-то новое, и Дима тут же страдальчески закатывал глаза, бормотал что-то о «ненасытных ученицах» и с небрежным изяществом откладывал очередное заявление в папку «Разобрать позже».

Месяц, второй, третий – Наташа держалась уже полгода, но видимо не собиралась уступать. Может, хотела приучить его к дисциплине и ответственности? Но этого у него и так было с избытком. В нужный момент, конечно. А может... Тут Сева распахнул глаза. Тонко усмехнулся, покосившись на Диму. А может, Наташа сама находила наслаждение в этих коротких стычках, не желая их прекращать?

– Дмитрий Николаевич, – осторожно начал Сева, пытаясь прощупать собственную догадку, – вы не будете подписывать заявление Наташи?

– М? – Дима оторвался от очередного письма.

– В этот раз вы снова не подпишете заявление Наташи?

– Сев, – потеряв переносицу, Дима укоризненно посмотрел на него. – Её заявление было подписано в первый же день, когда она его подала. Оно лежит в папке с документами, которые надо передать в бухгалтерию.

– Но... – Сева действительно был удивлён. – Почему тогда мы до сих пор его не отнесли?

– А разве мы не подаём документы в конце месяца? – приподнял бровь Дима.

– Но ведь... Можно просто сказать об этом Наташе, – продолжил прощупывать Сева.

– Можно. – Дима сделал вид, что задумался, и несколько секунд молчал. – В следующий раз так и сделаю.

«В следующий раз, значит», – коварно улыбнулся про себя Сева, рассматривая каштановую макушку, склонившуюся над ноутбуком. И вдруг невинным тоном поинтересовался:

– А почему бы вам не пригласить её на свидание?

– Кого? – не поднимая глаз, спросил Дима.

– Наташу, конечно. Кого же ещё.

На этот раз Дима отвлёкся и посмотрел на Севу с таким выражением лица, будто хотел сказать: ты идиот, или мне показалось?

– А почему нет? – Сева пожал плечами. – Она привлекательная, одинокая. Вы давно знакомы.

Дима моргнул, неопределённо промычал что-то и демонстративно вернулся к работе. Улыбка Севы сделала бы честь любому маньяку: тонкая, полная предвкушения и осознания собственной силы над чужой жизнью. Если посадить в голову Димы мысль о Наташе, он перестанет закрывать глаза на собственные желания, и может, в больнице станет на два счастливых человека больше. А у самого Севы появится повод почаще сбегать на свидания к Соне.

Глава вторая

Пригласить на свидание Наташу. Это звучало настолько абсурдно, что поначалу Дима посмеивался про себя, представляя, как небрежно предложит, а она сначала удивится, а потом вскипит и наорёт, обзвав старым извращенцем. В самом деле – ну кому в здравом уме придёт в голову идея о том, что они могут быть вместе? Она была его студенткой, одной из лучших, кстати. А шутки, которые он иногда позволял отпускать в её сторону... были всего лишь шутками. Не больше. И пусть институт давно остался позади, пусть ей уже тридцать, а не восемнадцать, это было неправильно.

Дома Дима лениво перебирал в памяти время, прошедшее после их знакомства. И конечно не кривил душой – симпатия имела место быть. Только симпатия, ничего сверх, и уж точно речь не шла о чувствах. Да, ему порой хотелось её защитить и сберечь. Но это просто инстинкт, разве можно противиться инстинктам? Родительским, естественно. Несложно представить, что он привязывался к студентам, как к... племянникам? Младшим братьям и сестрам? Дальним родственникам?

Дима честно пытался подобрать определение к чувствам, что он испытывал к каждому из группы. И выходила не слишком радужная картина. Наташи в его мыслях всегда было гораздо больше, несмотря на упрямые попытки думать иначе. Оказалось, что он знает её гораздо лучше, чувствует сильнее и... Лежавший на кровати Дима сел и провёл по лицу чуть подрагивающей рукой. Ледяной пот выступил резко, безрукавка прилипла к спине, а в глазах заплескался ужас. Он что, действительно хотел бы пригласить Наташу на свидание? И правда хотел бы получить положительный ответ? Раздражённо хмыкнув, Дима вновь упал на подушку и подумал: надо отдать уже это несчастное заявление в бухгалтерию и больше не изводить Наташу, пока игра не зашла слишком далеко.

«Ты долго будешь прыгать туда-сюда?» – мопс Персик, уютно устроившийся на краю кровати, приоткрыв один глаз. Дима, который снова сел, чтобы прямо сейчас сорваться в больницу, усмехнулся.

– Я бы на твоём месте меньше спал и больше бегал. Скоро в дверь пройти не сможешь.

«Кто бы говорил», – Персик вздохнул, открыв второй глаз. Дима мог поклясться, что читает в его взгляде: А я бы на твоём месте нашёл себе женщину.

Воображение разыгралось, даже пёс намекает на то, без чего Дима прекрасно живёт в свои неполных сорок четыре.

Мопс забрался на руки и потёрся носом о ладонь. Вытянув лапы, снова положил на них голову и прикрыл глаза. Дима рассеянно почесал его за ухом, подумав, что одиночество, видимо, сказывается, раз он начал разговаривать с Персиком вслух. Это было как-то грустно...

Дима всё-таки вышел на кухню, не включая свет, сел за стол и посмотрел на спящий город. Грустно – не то слово, которое подходит к одиночеству. Грустно может быть, когда пошёл дождь, а ты собрался погулять с друзьями. Или, когда у тебя под носом забрали последнюю книгу, и теперь придётся ждать перевыпуск тиража. В конце концов, грустить можно от того, что за окном зима, а уже так хочется лета. Но одиночество не поддавалось обычному грустно. Потому что оно просто было. Щетина, которая растёт каждый день, сколько её ни брей. Ошибки, которые уже не исправить. Кошмары, являющиеся, чтобы отобрать очередную часть души. И одиночество. Всё это было с ним так давно, что Дима попросту не знал, как можно жить по-другому. Одиночество не тяготило, напротив – он тщательно оберегал его от любых посягательств, ища и находя в нём единственную поддержку. С одиночеством не нужно было спорить, перед одиночеством не нужно было оправдываться. Оно принимало таким, какой он есть, и ничего не требовало взамен. Может, потому, что дать Диме было нечего.

Когда-то казалось, что он может покорить весь мир. Теперь у него была только работа. И застывшие глаза Марины в кошмарах. Кто мог предугадать, что во время операции у неё оторвётся тромб?.. Никто, кроме Бога, а в Бога Дима не верил. Как и в новый шанс на нормальную жизнь.

И всё-таки Сева сказал полнейшую чушь. Пригласить Наташу на свидание он бы точно никогда не смог. Даже если бы очень сильно захотел. А он не хотел. Не хотел совершенно.

Возможно, именно поэтому утром решил пройтись до работы не привычным коротким путём, а сделать небольшой крюк, обогнув больницу. Дима остановился, наблюдая за свежей краской и блестящими в солнечных лучах стёклами недавно отремонтированного крыла. И Наташа несомненно права, уже сейчас требуется расширение. А он по какой-то невнятной причине саботирует строительство – хорош главврач. Усмехнувшись, Дима покачал головой и сделал было шаг ко входу, когда его остановило удивлённо-недоверчивое:

– Дмитрий Николаевич?..

– Доброе утро. – Он медленно улыбнулся и прищурился. Наташа стояла на другой стороне улицы, но быстро перебежала через дорогу и вскинула голову, заглядывая в глаза.

– Что, решили посмотреть, как будет смотреться новое хирургическое крыло? – иронично спросила она, шурясь на солнце. Её глаза тут же вспыхнули невозможно яркой зеленью, от которой при всём желании нельзя отвести взгляд.

– Да, – неожиданно легко согласился Дима, с удовольствием наблюдая за её замешательством. Наташа явно не думала, что победа будет такой лёгкой. – Твоё заявление уже подписано, со следующего квартала начнут выделять средства.

– Даже так? – ему показалось, или в её голосе прозвучало разочарование? Но Наташа тут же улыбнулась и укоризненно проговорила: – Давно бы так, Дмитрий Николаевич. А то всё «не знал», «забыл», «потерял»...

– Я же говорил: память подводит. – Дима развёл руками и улыбнулся. – Ну, хорошего дня.

Не дожидаясь ответа, он пошёл дальше, оставив её стоять посреди улицы и смотреть вслед. Может, надо было и правда быстрее всё подписать, ведь видеть её улыбку было гораздо приятнее, чем наблюдать, как она злится на него.

– Надо же, вы сегодня почти не опоздали, – ехидно встретил Сева, неспешно вставая из кресла, в котором сидел до этого.

– Вышел из дома раньше, успел до пробок, – рассеянно ответил Дима и уныло вздохнул, глядя на выросшую за столом стопку бумаг. Вспомнив, небрежно бросил: – Кстати, отнеси заявление Наташи в бухгалтерию.

– Даже так? – Сева нахмурился. Его интуиция редко давала сбой, но чтобы Дима сумел обвести вокруг пальца... Неужели показалось?

– Да, – всё так же рассеянно, пребывая в мыслях, ответил Дима и со вздохом упал в кресло. – Я встретил её утром, сказал, что со следующего квартала можно приступить к строительству.

– Встретили, значит, – протянул Сева, чувствуя себя рыбаком, который вот-вот подсечёт клонувшую рыбу.

– Да, решил обойти больницу, после ремонта никак времени не было посмотреть. Всё меняется слишком быстро.

– Вы бы ещё год из кабинета не выходили, ещё больше бы удивились. Кстати, вам давно надо заглянуть к Наташе, чтобы она вашу ногу посмотрела. Медосмотр – это важно, – осторожно ответил Сева. Дима, успевший включить ноутбук, пробурчал что-то, больше всего похожее на «что я там не видел на ваших медосмотрах». Улыбка Севы стала поистине дьявольской.

– Знаете, а я вас запишу. На следующую неделю.

– Сев, – устало вздохнул Дима, не глядя в его сторону, – отстань.

– Наташе это будете говорить, когда она придёт выяснять причины, почему вы не явились.

– Просто не записывай. И ничего выяснять не придётся.

Сева подавил разочарованный вздох. Хотя... Никто не говорил, что будет легко, не так ли? Дима крепкий орешек, если разгадает подвох – сорвётся. Но если действовать осторожно, привлечь союзников, узнать слабые стороны и, главное, убедиться, что чувства взаимны...

Глава третья

Припав на одно колено, Наташа замерла, тяжело дыша. Пот заливал глаза, мышцы приятно ломило, а сердце всё ещё колошматило грудную клетку. Возможно, пойти бегать в парк после смены было не самой лучшей идеей, но уж точно не худшей для того, чтобы снять накопившееся напряжение. И раздражение, вызванное поведением одного вредного главврача. После утреннего разговора Наташа так и не смогла взять себя в руки, шутка ли – бегать за ним месяц, чтобы получить желаемое вот так, небрежно, с прищуром и лёгкой ухмылкой. Впервые закралась мысль, что он над ней просто издевается. И эта же мысль не давала сосредоточиться весь день, потянув выпускать пар.

Наташа честно считала, что он занят. Списывала на его рассеянность и необязательность в неважных, по его мнению, вопросах постоянные срывы всех сроков её просьб. Искренне хотела помочь и даже пыталась не злиться. Как вообще можно злиться на того, кто стал тебе главнее и ближе отца? Кто не раз подставлялся под удар, отстаивая на очередном консилиуме? Кто, в конце концов, одним словом мог облегчить груз вины и боли, давящий на плечи после потери пациента? Поэтому, сцепив зубы, снова и снова она шла к нему, чтобы услышать привычное: «Прости, Наташ, я забыл».

Где-то над головой ухнула сова, Наташа поднялась, отряхнулась и ухмыльнулась: она-таки добилась своего! Но улыбка быстро сошла на нет, как и всегда, когда Дима всё же давал положительный ответ на просьбу. Всякий раз после наступало какое-то странное опустошение. Новая капля в пустоту, что занимала часть души. Тоскливое ощущение, которому нет ни названия, ни объяснения.

Всё слишком сильно изменилось за прошедший год, и если с разрывом помолвки накануне свадьбы Наташа смирилась, то с тем, что вечно свободный для неё учитель стал недоступным главврачом, смириться пока не могла. Это было слишком... нечестно. Будто нарочно у неё отняли последнего человека, который значил *много*.

Неспешно возвращаясь домой, Наташа думала. О том, что с завтрашнего дня надо будет подумать о расширении штата санитаров и медсестёр. Что стоит попросить Катю подобрать кандидатов на должность её зама. Что... Устало толкнув дверь, Наташа остановилась и позволила себе один долгий вздох. Что в ближайшее время она будет так загружена, что не сможет заглянуть в знакомый кабинет и попросить хоть о чём-нибудь. Только бы снова создать видимость того, что кому-то нужна, пусть даже для того, чтобы ответить: «Прости, Наташ, я забыл».

В небольшой квартире, расположенной на втором этаже старой сталинки, было тихо, темно и пахло жасминовым чаем. Наташу не тяготило одиночество, просто... Порой казалось, что её стало слишком мало, что она истончилась, превратилась в тень самой себя. Что окружающие смотрят *сквозь*, а не *на*. Когда она стала незаметной?

Склонив голову и подставляя спину под прохладные струи душа – котёл в её доме был едва ли моложе самого дома, и к ночи вода в нём остывала – Наташа пыталась смыть ставшие привычными горькие мысли. Но они, липкие, крепко цеплялись, не давая оттереть себя мочалкой. Полина сказала бы: возьми отпуск. Но разве отпуск избавит от самой себя и неполноценности, поселившейся внутри? Забираясь в постель укрываясь одеялом, она пыталась вспомнить, когда в последний раз была счастлива. И не могла. Получалось – никогда? Или призрачное понятие смылось, оставив после себя ту самую пустоту после ухода Антона?

Шесть лет они были вместе. С первого курса, с первого дня, когда Наташа его увидела и пропала. Высокий, худощавый, черноволосый и надменный – идеальный набор для мечтательной девушки. Наташа мечтала. А когда мечта стала правдой, и Антон пригласил на свидание, долго не могла поверить. Шесть лет и один день, перечеркнувший всё. Равнодушный голос, слова «полюбил другую», «прости», «будь счастлива», и Антон испарился из её жизни так же

стремительно, как когда-то вошёл. Переехал в другой город к новой большой и чистой любви, оставив Наташу разбираться с несостоявшейся свадьбой. Хотя, наверное, именно те заботы об отмене ресторана, возвращении платья, разговорах с фотографом и куче других мелочей помогли не свихнуться...

Повернувшись на бок, Наташа уставилась сухим, немигающим взглядом на луну, усмехнулась – когда-то считала её романтичной. Поворочалась, устраиваясь удобней, и наконец закрыла глаза, надеясь увидеть хотя бы один сон. Хоть один за последний год.

Дима снова опаздывал. Не то чтобы это сильно напрягало – Сева умел ценить чужое постоянство. К тому же, в прохладе кабинета можно было поразмышлять, никуда не торопясь и не пытаясь делать вид, что занят. Сцепив руки в замок, он упёрся в них подбородком, снова и снова пробегая по строкам служебной записки. Наталья Топольницкая накричала на коллегу. Обычные больничные дразги, ничего криминального. Всегда найдётся желающий подсидеть, нажаловаться, создать трагедию на пустом месте. Необычно в нём было лишь одно – совпадение, которое едва ли можно назвать таковым. Сева не любил совпадения, он любил факты и умел играть ими. И сейчас факты говорили только об одном – вчера кто-то был очень зол. Конечно, можно списать эту злость на неприятности на работе, но Сева не зря считал себя гением, что, впрочем, признавали все, кто его знает. Он навёл справки, узнал, что у Наташи настроение было, мягко говоря, не очень с раннего утра. Сопоставил случайную, конечно же, встречу с Димой и теперь довольно улыбался. Не прогадал.

Ещё в школе у Севы проявились невероятные аналитические способности, а фотографическая память позволяла учиться, почти не напрягаясь. Сева и не напрягался. Закидывал руки за голову, ероша каштановый ежик на затылке, щурил тёмно-зелёные глаза и снисходительно улыбался одноклассникам, ломающим головы на очередной контрольной. Какое-то время он тайно вздыхал по однокласснице Полине, но потом решил, что это слишком энергозатратно – встречаться с такой яркой и шумной девушкой. Любовь прошла, а дружба осталась. А недавно в голову заостенелого холостяка прокралась Соня из Министерства здравоохранения, и сколько бы Сева ни говорил себе, что это временно, время шло, а чувства только крепли.

Стрелки подоברались к десяти, когда главврач всё же явился. Бросил выразительный взгляд на Севу, никак не прокомментировав, что тот сидел в его кресле, сел в него, едва освободилось, и вытянул ноги, неприязненно покосившись на новую стопку документов.

– Может, завести ещё одного секретаря? – задумчиво предположил он. – Чтобы к нам попадали только важные вещи?

– Можно, – согласился Сева. – Только боюсь, что второй секретарь не сможет отделить *действительно* важное от того, что не стоит вашего внимания.

– А ты, значит, можешь? – Дима даже не пытался сделать вид, что ему интересно. Неспешно ковырялся в бумагах, пытаясь отсортировать нужное от не слишком нужного, добавив третью стопку: ерунда.

– Думаю, могу. – Сева пожал плечами, продолжая держать листок, и, выдержав паузу, положил его сверху на стопку, выделенную под важное.

– И? – Дима приподнял бровь. – Кому-то нечем заняться, жалобы строчит? Тогда бы подписывались уже. И вообще, при чём тут я?

– Ни при чём, – невинно ответил Сева, наблюдая, как глаза Димы против воли скользят по строкам.

– Наташа на кого-то накричала? – наконец пробормотал он, скорее для себя, нежели для Сергея. – Что это на неё нашло?

– Может, это от того, что ей хотелось высказать всё кому-то другому, – равнодушно сказал Сева, вновь пожимая плечами.

«Сходить к ней, узнать, что случилось?» – мелькнуло в голове и тут же пропало. Дима потёр переносицу и решительно отложил листок в сторону ерунды. Он давно не её учитель, хоть она и упорно продолжает так называть. И со своими проблемами прекрасно научилась разбираться самостоятельно. Как бы ему ни хотелось услышать, что у неё всё в порядке, Дима не собирался потакать собственным капризам. Достаточно того, что мысли о свидании прочно улеглись в голове, не собираясь оттуда уходить. Пугающие своей настойчивостью и чем-то тёплым, что приносили с собой.

Сева подавил вздох – всё-таки это будет сложнее, чем казалось с самого начала. Что ж, у него всегда в запасе несколько планов, если первый начинает трещать по швам, пора прибегнуть ко второму.

Глава четвёртая

С вечера начал накрапывать дождь. Мелкий, затяжной, он оседал влажной пылью на коже, вызывая желание встряхнуться. Наташа брела домой, ноги едва отрывались от земли: сказывалось десятичасовое стояние над больным, чья операция поставила на уши половину отделения. Жизнь была спасена, завтра выходной, и, кроме мысли о сне, в голове не было ничего. Пусто. Не хотелось даже есть, только рухнуть на кровать и провалиться в сон. У входа в подъезд Наташа остановилась, пытаясь отыскать ключи. Как назло, они провалились в дыру в сумке, руки никак не доходили её зашить. Раздражаясь, она залезла в сумку по локоть, пытаясь выловить связку. Сырость постепенно проникала под одежду, ключи издевательски звенели, не даваясь в руки, и с каждой секундой Наташа всё больше зверела.

– Привет, – тихо прозвучало за спиной. Только-только подцепив ключи, Наташа резко выпрямилась, и те снова провалились в дыру.

– Твою мать! – вырвалось невольно.

– Ты так рада меня видеть? – иронично поинтересовался Дима.

– Простите, – угрюмо откликнулась Наташа, вновь погружая руку в сумку. – Ключи не могу достать.

– Помочь?

– Чем? Дыру прожечь? – обхватив ключи, Наташа наконец достала их и посмотрела на Диму. – А вы здесь откуда?

– Шёл мимо, увидел тебя. – Он пристально смотрел на неё: в свете уличного фонаря влажная кожа блестела. Взгляд мягко мазнул по лицу, задержавшись на слегка приоткрытых губах, и вернулся к глазам. – Всё в порядке?

– Почему вы спрашиваете? – как будто это кому-то интересно. Наташа вдруг захлестнула обида – с чего он вдруг решил проявить заботу? Чтобы потом снова исчезнуть?

– Ты всплыла на работе.

– Что вас удивляет? У меня хватает проблем, которые иногда вырываются наружу. Я не идеальна, знаете ли. И вообще, какое вам дело? – Не хотела, но упрёк всё же прозвучал. Сейчас он решит, что она обиделась, отчитает, сказав, что у него полно дел, кроме как выслушивать её. Но Дима промолчал. Как-то странно посмотрел на неё, будто хотел... извиниться?

– Мне жаль, что это так, – тихо ответил он наконец. – Хотел бы я сказать, что ты можешь рассчитывать на меня в любое время, но...

– Спасибо, – так же тихо ответила Наташа, сжав ключи с такой силой, что края больно впились в кожу. От воды русые волосы Димы потемнели и отчего-то вызывали желание провести по ним рукой и стряхнуть капли. – Может, зайдёте на чай? У меня есть жасминовый.

– В другой раз, – с улыбкой в голосе сказал Дима. Помолчал, будто собирался что-то добавить, но передумал. – Уже поздно, Наташ. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – растерянно ответила она, наблюдая, как он растворяется в мокрой туманной взвеси, размазываясь в неверном свете фонарей.

Дома, переодевшись в сухое, Наташа с ногами забралась на диван, грея в руках чашку с чаем. В тепле и уюте собственной квартиры мысли о Диме звучали горьким, холодным эхом. Она попыталась представить, что он сейчас делает – так же сидит один, пытаясь согреться? Или вернулся в больницу, обложился делами, стараясь заполнить гулкую пустоту? Эта пустота чувствовалась в нём всегда, но сегодня показалась особенно острой. Родной. Знакомой. Наташа прикрыла глаза, вспомнив, как внезапно встрепенулось сердце от тихого «Привет», и стало теплее. Ненамного – дрожащий свет зажжённой свечи, потухший, когда Дима ушёл. Зябко поведя плечами, Наташа отпила чай, но почти не почувствовала его вкус. Горчило. Хотелось бы избавиться от этого чувства, но не получалось. Царапая душу, оно угнездилось в груди.

тревожащее и навязчивое. Согласись Дима зайти, что изменилось бы? Стоило представить, и огонёк свечи встrepенулcя, разгоняя тени. Ей было бы *уютно*. Просто сидеть и молчать, дыша жасминовым паром. Слушать, как шумит за окном усилившийся дождь. Наташа крепко зажмурилась, под веками полыхнуло багровым и золотым. До последнего момента не думала, как сильно его не хватает в её жизни.

– Польшка, привет.

Только что вышедшая на задний двор чайного магазина Полина подпрыгнула, пустые коробки, которые она держала в руках, опасно зашатались. Волосы, собранные в высокий рыжий хвост, хлестнули по спине.

– Севка, что б тебя! Напугал!

– Мирная жизнь расслабляет? – подпирая стену, Сева не двигался, меряя Полину насмешливым взглядом.

– Нечего подкрадываться, – пробурчала она, направляясь к ближайшему мусорному баку.

– Надо просто внимательней смотреть по сторонам, – широко улыбнулся Сева. – Вообще-то у меня к тебе дело.

– Да ну? – избавившись от коробок, Полина отряхнула фартук и упёрла руки в бока. – И что же понадобилось нашему непризнанному гению?

– Вообще-то признанному, – скромно ответил Сева, наконец отлипая от стены. – Дело касается Наташи.

– Даже так? – Полина даже не пыталась сделать вид, что не заинтересовалась.

– А ещё – Дмитрия Николаевича.

– В смысле?

– В прямом. – Сева подошёл ближе, словно боялся, что их кто-то подслушает. – Только не говори, что не замечала, как Наташа на него смотрит.

– А как смотрит? – Полина ненавидела чувствовать себя глупой, хотя рядом с Севой это было привычным делом. Но сейчас она чувствовала себя не просто глупой – тупой, как пробка. Тяжело вздохнув, Сева возвёл глаза к небу: как же сложно, когда приходится всё объяснять! В этот раз он решил отступить от правила и заставить Полину догадаться обо всём самостоятельно.

– Обрати внимание. Сделай выводы. А потом поговорим.

– Всеволод Жаров! – угрожающе начала Полина, но он уже скрылся за углом.

Как Наташа смотрит на Диму... Да никак не смотрит. По крайней мере, Полина ни разу не замечала ничего подозрительного. Или просто не хотела замечать? Чёртов Севка, теперь весь день только об этом и думать! Цыкнув, Полина тряхнула волосами и вернулась в магазин. Вечером стоит нанести кое-кому визит и попытаться понять, что именно имел в виду Сева, и зачем ему вообще понадобилось наблюдать за Димой и Наташей.

К вечеру, звеня парой бутылок вина, Полина решительно направилась к Наташе. Если что и сможет разговорить подругу, то только алкоголь. Пили они редко, и это играло на руку – всё, что она может прятать, Полина вытащит из неё. Растрёпанная Наташа молча посторонилась, зевая в кулак. Мутный, сонный взгляд, заторможенные движения – только что проснулась.

– Какими судьбами, ведьма? – спросила без недовольства, шлёпая босыми ногами на кухню.

– Решила зайти, давно не виделись, – беспечно улыбнулась Полина, глядя на пустую немую кружку на столе. – Долго же ты спишь.

– Вчера был сложный день, – протянула Наташа, падая на стул и с силой потирая глаза. – А потом от усталости долго не могла заснуть.

Хозяйничая, как у себя дома, Полина быстро достала бокалы из шкафа, сполоснула: от редкого использования на дне осела пыль. Поставила на стол и вытащила из бумажного пакета вино и сыр.

– Что за праздник? – брови Наташи приподнялись. – Женька сделал предложение?

– Если бы, – вздохнула Полина, садясь напротив и открывая бутылку. – Ходит второй месяц и таинственно улыбается. Клещами не вытащить – почему.

– Готовит сюрприз, – мягко улыбнулась Наташа. – Подожди, дай я хоть причешусь и умоюсь.

– Ведьма, у нас тут не чайная церемония, сиди так, я тебя всякую видела, меня помятой одеждой не удивишь.

– Ну спасибо, – проворчала Наташа, поднимая бокал. – Так за что пьём хоть?

– А разве нам нужен повод? – Полина широко улыбнулась, хитро прищурилась. – Может, за мужчин?

– За мужчин? – Наташа иронично хмыкнула. – Так бы сразу и сказала, что хочешь поговорить о ненаглядном Женечке. Я, конечно, не против, но для этого алкоголь необязателен.

– А что, если я хочу поговорить о твоём главвраче?

– О ком? – непонимающе хлопнув ресницами, Наташа нахмурилась. При одном только упоминании Димы знакомый огонёк снова встрепенулся, и не было ни малейшего желания его гасить.

– Давно его видела?

– Вчера, а что? – Наташа сделала глоток, но не спешила ставить бокал на стол, грела в руках.

– Просто, – пожала плечами Полина, начиная злиться на Севу. Нет, чтобы сразу объяснить, что она должна увидеть и понять! Чёртов Жаров со своими загадками! – И как у него дела?

– Не знаю. Мы недолго разговаривали. Постой, – встрепенулась Наташа и с подозрением посмотрела на подругу: – Ты что, решила бросить Женьку?

– Чего? – поперхнулась Полина. – С чего ты взяла? И вообще, – она решила пойти в наступление, прошупывая почву, – вы так тесно общались, когда ты устроилась в больницу, что я подумала...

– Подумала что? – холодея, спросила Наташа. Неужели кто-то из её друзей мог решить, будто она и Дима... Бред какой-то. Наблюдая, как аккуратно Полина аккуратно разливает вино, Наташа задумалась. Вспоминая недозгляды и недокасения, повисшее молчание и дрожащее напряжение, предвкушение чего-то, что так и не сбылось. Наблюдая за ней сквозь ресницы, Полина с удивлением заметила, как слабо порозовели её щёки. Молча сделав глоток, дождалась, когда Наташа поднимет глаза, и выпалила:

– Он тебе нравится?

Кровь прилила к лицу так резко, что Наташа с трудом удержалась от желания прижать ладони к щекам. Нравится? Ерунда. Конечно, нравится. Как человек. Как друг. Как... Беспомощно посмотрев на подругу, Наташа еле слышно выдохнула:

– Матерь божия... кажется, да.

Глава пятая

Луна, наполовину скрытая тенью, освещала парк призрачным светом. Дима не собирался гулять, просто пришёл посидеть в тишине. Здесь тишина была живой, настоящей. Дышала звуками и запахами, окружала, как друг, укрывающий тёплым одеялом в холодную ночь. Облокотившись о спинку, Дима сидел на скамейке, скрестив лодыжки, и задумчиво смотрел на луну. Холодный серебристый диск, прихотливо меняющийся от капризов чужой тени. Чья тень смогла бы изменить его самого, чтобы перестал, наконец, винить себя за смерть Марины? Отпустил и начал жить дальше...

Шумно выдохнув, он подставил лицо прохладному ветру. Ему поздно что-то в себе менять, даже если бы было ради кого. Но едва ли во всём городе, да и, пожалуй, во всём мире нашёлся бы хоть один человек, способный принять его целиком, со всеми привычками, сомнениями, застарелыми страхами. Таких больше не существовало. А сам он смог бы вновь впустить в свою жизнь постороннего? Обнажить душу, отдать всего себя, без оговорок? Дима был уверен – нет. Но раньше это понимание не вызывало ничего, а сейчас – давило, вытесняя воздух из лёгких.

Будто кто-то подцепил внутренности на крюк, а теперь тянул, тянул, тянул, и избавиться от этого чувства не получалось. Лунный свет пробивался сквозь листву, ложился монохромной мозаикой, подрагивая на ветру. Повинуясь внезапному порыву, Дима подставил ладонь, ловя серебристое пятно. Призрачное, невесомое, ускользающее. Как чувство, которое он никак не мог уловить. Усмехнулся: пожалуй, пора переключаться с фантастики на любовные романы, которыми зачитываются школьницы. Старееет.

Возвращаясь домой, Дима усиленно избегал оживлённых улиц, не желая жертвовать своим уединением. Пройдя почти половину квартала, он удивлённо остановился, отчётливо расслышав знакомый смех. Сам не заметил, как ноги привели к Наташиному дому. Сейчас в её окне на втором этаже горел свет, и можно было услышать женские голоса, перебивающие друг друга и срывающиеся на хохот. Так бывает, когда веселье рвётся через край, и ты уже не можешь его сдержать, но всё ещё пытаешься.

Дима улыбнулся, представив, как Наташа сидит за столом и прячет смех в кулак. Её глаза сморщились, в уголках – паутинка морщинок и блестят слёзы. Волосы рассыпались по дрожащим плечам. Желание посмотреть так ли это едва не заставило взлететь на ближайшее дерево, Дима остановился, уже подойдя к раскидистому дубу. Растерянно посмотрел вверх и едва успел отступить в темноту, когда тень метнулась к подоконнику, а следом послышалось отчётливое, усталое и замученное:

– Ведьма-а, не надо!

– Заткнись! – задорно откликнулось в ответ. – Записывай: десять правильных вопросов, которые надо задать мужчине на первом свидании.

– Я не собираюсь приглашать его на свидание, – голос Наташи стал тише, Дима невольно прислушался, не двигаясь с места.

– Это ты сейчас так говоришь, – почти неслышно проворчала Полина. Голоса стихли, девушки что-то забормотали, перемежая разговор тихим хихиканьем.

Правильно. Всё это правильно, и жизнь продолжается. Не переставая улыбаться, Дима всё же направился к дому. Ему было радостно за Наташу, эта светлая девочка определённо заслуживала счастья. Неважно, кого она выбрала, это точно не Антон вернулся и начал просить прощения, а значит, переживать не о чем. Наташа всегда умела за себя постоять – напомнил он себе. И у неё непременно всё будет хорошо.

Наташа проснулась с лёгкой головной болью. Квартира хранила следы вчерашних посиделок с Полиной – она ушла в первом часу ночи, предварительно опустошив запасы: в шкафу

у неё стояла пара бутылок коллекционного вина, подарки от пациентов. Но Наташа ни о чём не жалела, вечер действительно удался. Они и поговорили, и посмеялись, и даже немного поплакали. Взгляд упал на смятый листок, завалившийся под кровать. Подхватив его ногой, Наташа осторожно вытащила, подняла и расправила, закатила глаза, не в силах сдержать улыбку. Корявым пьяным почерком там было выведено: «Десять вопросов, которые надо задавать мужчине на первом свидании». Список сопровождался комментариями Наташи.

1. Узнать, что он любит читать – *уже знаю.*
2. Узнать любимое блюдо – *несложно, знаю.*
3. Спросить, что любит делать в свободное время – *читать, спать. И... не знаю?*
4. Узнать любимый цвет – *бред какой-то.*
5. Попросить дать ладонь, изучить линию любви – *Ведьма, я не увлекаюсь хиромантией!*
6. Попросить рассказать забавный случай из жизни – *и покраснеть от стыда.*
7. Уточнить любимую позу – *и провалиться под землю. На год.*
- 8.

После этого список заканчивался, потому что Наташа возмутилась, что такие вещи на первом свидании не спрашивают, а Полина парировала, что она просто не ходила на свидания с Женькой. Но даже зная, что это невозможно, Наташа улыбалась, представляя, что могла бы пригласить Диму. Вчера это казалось естественным и простым, сегодня отдавало горячечным бредом. Да, она не связана ни с кем обязательствами, но ведь это не повод бросаться на первого встречного, особенно, если этот встречный – давний друг. Близкий, почти как член семьи. Стала бы она приглашать на свидание брата?

Ещё вчера даже подумать об этом не могла, но после разговора с Полиной внутри что-то щёлкнуло, и робкий поначалу свет хлынул, согревая каждую клетку, гоня пустоту. Наташе было сложно представить, как бы отреагировал Дима. Скорее всего, перевёл бы всё в шутку, а потом сделал вид, что разговора не было. А может, посмотрел бы пристально, выворачивая душу наизнанку, покачал головой и молча ушёл. Наташа не умела читать в чужих душах. Не просто не умела – ошибалась и упорно верила в свои ошибки. Как с Антоном и годами надежды, разрушенной его изменой. Она боялась рисковать и снова отдавать своё сердце тому, кто не знает, что с ним делать. Но разве можно приказать себе не думать, не представлять, не мечтать?

В мечтах прошёл весь день, и следующий – тоже. Наташа ходила сама не своя, вздрагивая при звуке имени главврача. Вжимала голову в плечи, страшась случайной встречи. Хотя представить, что он добровольно явится в её отделение?.. А к концу третьего дня её отпустило. Вдруг снова стало спокойно и... пусто. Помечтала и хватит. В самом деле, с чего она взяла, что вообще может быть ему интересна не как бывшая студентка, а позже – коллега. Как женщина.

Полина вошла в кабинет, как к себе домой, вызвав короткий выразительный взгляд. Уселась на стул, закинув одну бесконечную ногу на другую, и широко улыбнулась.

– Ты помнишь, какой сегодня день недели? – поняв, что Наташа не собирается говорить первой, начала она.

– Пятница, и что? – погрузившись в исследования нового метода протезирования, Наташа не поднимала головы от бумаг.

– И что, – спародировала Полина насмешливо. – И то, что мы идём гулять!

– Рада за вас, – ровно ответила Наташа, делая очередную пометку.

– Вообще-то я имела в виду нас с тобой.

– Тогда не рада. – Новая пометка украсила бумагу. Раздражённо вздохнув, Полина резко поднялась, нависла над столом и хлопнула ладонью по отчёту.

– Ведьма, – угрожающе прорычала она, – ты обещала мне погулять.

– Врёшь, не обещала, – спокойно ответила Наташа, вытаскивая бумагу и вновь погружаясь в чтение.

– Вру, – неожиданно согласилась Полина и хитро прищурилась. – Но гулять мы сегодня всё равно пойдём. Или ты собралась сидеть тут до полуночи? Кому какая разница, когда ты внесёшь замечания.

– Совсем ты расслабилась, – проворчала Наташа, невольно повторяя Севины слова. Улыбка Полины стала шире, стоило вспомнить о коварном плане, в который её посвятил Жаров утром.

– Прежде чем приступить к активным действиям, – начал он, подкараулив Полину у входа в магазин, – мы должны быть уверены на сто процентов. Не то, чтобы я не уверен, но... Лишние доказательства не повредят.

– И что ты собираешься сделать? – насмешливо спросила она, упирая руки в бока. – Посадишь их друг напротив друга и заставишь признаться?

– Как грубо, – скучаясь протянул Сева, перекинув зубочистку из одного угла рта в другой – с недавних пор он бросал курить. – Для начала посмотрим на их реакцию при неожиданной встрече. И сделаем свои выводы.

– Ты – страшный человек! – с чувством сказала Полина. – Я рада, что мы друзья.

– Дима и Наташа тоже мои друзья, – скучающим тоном протянул он, а потом вдруг подмигнул. – До вечера. И приведи Наташу в парк. Любым способом.

Глава шестая

Они неспешно прогуливались по парку, останавливаясь у разноцветных клумб. Только недавно начали зацветать хризантемы и астры. Острые тонкие иголки медленно распускались, раскрашиваясь в яркие краски.

Полина мечтательно шурилась, подставляя лицо сентябрьскому солнцу. Не верилось, что совсем скоро наступит настоящая осень, принесёт холод, постоянный дождь и притушит цвета. Наташа полностью разделяла её настроение и, поначалу поворчав для приличия, сейчас была даже благодарна подруге за то, что вытащила из больницы. Сколько таких дней проходит мимо, а она даже не замечает? Вечер в конце недели, парк был полон народом, вокруг с визгом носились дети, как маленькие муравьи, которых вытряхнули из коробки, и они бросились в рассыпную. Сможет она когда-нибудь опять влиться в эту жизнь? Больница-дом-больница, и никакого времени для себя.

– Привет! – удивлённо послышалось за спиной. Сердце против воли подпрыгнуло в горло, заколотилось с такой силой, что показалось – вздулась шея. Наташа обернулась, с силой сжимая губы, задрожавшие в предательской улыбке. Рядом с ним всегда было спокойно. Но сейчас привычное спокойствие испарилось с лёгким хлопком, приведя на смену истеричную панику и неловкий трепет. Наташа могла воссоздать его образ, даже не задумываясь – просто прикрыв глаза. А сейчас вдруг заметила, как преломляется свет в его волосах на макушке, словно кто-то растушевал краски. И вновь это нелепое желание взъерошить их, запустить пальцы, пропустить сквозь, пронзило обжигающим током.

– Дмитрий Николаевич! – Полина материализовалась из ниоткуда, подхватывая Наташу под руку, и слегка подтолкнула её вперёд. – А вы здесь какими судьбами?

– Да вот, – Дима почесал затылок. – Сева вытащил.

Он выглядел смущённым – довольно отметила Полина, вполглаза наблюдая за Наташей. Если бы не Жаров, точно не обратила бы внимания, но сейчас отчётливо видела и то, как она не сводит с него глаз, и то, как он нет-нет, да и мажет взглядом по её лицу. В очередной раз в голове вспыхнула мысль о том, что иметь в друзьях гения слишком опасно.

Дима смотрел на Наташу и даже не пытался скрыть улыбку: она выглядела такой живой. Наверняка тот разговор с Полиной о свидании не прошёл даром. Может, у неё уже появился кто-то, заставивший глаза зажечься особенным, внутренним светом, от которого зелень становилась глубже и насыщенней. Пожалуй, в такой с лёгкостью можно было утонуть и не пытаться выплыть наверх. Дима тихонько потянул воздух, против воли отыскивая нотки жасмина в окружающих запахах. Нашёл, и сердце пропустило удар, заставляя отойти дальше. Бесполезно. Она была рядом, была настоящей, со своей сдерживаемой улыбкой, блеском глаз и излишне живыми ответами на вопросы Полины. Та, к слову, вовсю трещала, выискивая глазами кого-то, и Диме невольно подумалось, что он тут лишний. Наверняка у них было двойное свидание, сейчас придёт Женя и приведёт того, кто заставляет Наташу светиться. Дима хотел уйти. Очень хотел. Но не мог, позволяя себе редкое, неожиданно приятное чувство тепла и чего-то ещё. Будто крюк, что держит его внутренности, ослаб, и натяжение, до этого отдававшееся болью, теперь стало почти приятным. Рядом с ней было приятно молчать. Можно даже не смотреть в её сторону, просто чувствовать её тепло у левого плеча.

– Вот вы где! – Сева обогнул ствол клёна, под которым они остановились, и прищурился, перекатив соломинку из одного угла рта в другой. – Поля, Наташка, как дела?

– Отлично, – широко и хищно улыбнулась Полина и, пользуясь тем, что Дима что-то спросил у Наташи, поиграла бровями. Сева нахмурился, закатил глаза, всем своим видом говоря: угомонись!

– Там на лодках катаются, – небрежно заметил он. – Вам не кажется, что слишком жарко? Я бы сейчас не отказался от неспешной прогулки по воде.

– Я тоже! – по мнению Наташи Полина откликнулась слишком живо. Неужели дело действительно в Женьке, может, она положила глаз на Севу?..

– Не думаю, что это хорошая идея, – с сомнением протянул Дима. – Очередь большая, лодок мало, да и вчетвером мы не поместимся.

– Может, хотя бы попробуем? – Наташа вздохнула: Полина включила капризную девушку на свидании. Надо точно расспросить о её планах относительно Жени и Севы.

Вчетвером они неспешно пробирались к небольшому пирсу, у которого действительно собралась небольшая очередь. Лодочки на двоих то и дело отчаливали, рассекая коричневую гладь. Над водой носились крупные стрекозы, солнце царапало верхушки деревьев.

– Пожалуй, я воздержусь, – улыбнулся Дима, глядя на толпу впереди.

– Почему? – невинно поинтересовалась Полина.

– Не хочу, чтобы каждая пара в лодке, вместо того, чтобы наслаждаться друг другом, спрашивала, как можно записаться на приём.

Не дожидаясь ответа, он вытащил потрёпанную книжку из кармана и развернулся было, чтобы направиться к одному из дубов, растущих вдоль берега, когда Наташа неожиданно для себя окликнула:

– А я вам не помешаю?

– Помешаешь? – казалось, Дима даже не понял вопроса.

– Вашему уединению. Я тоже не особо хочу кататься.

Дима смерил её нечитаемым взглядом и пожал плечами, улыбнувшись. Лучики-морщинки брызнули из уголков глаз, придав ему такой тёплый, почти беззащитный вид, что Наташа невольно улыбнулась в ответ.

– Пойдём. – Сева несильно, но крепко подхватил Полину под локоть и потянул к пирсу.

– Зачем, – зашипела она, – я тоже не хочу лезть в эту лодку!

– Никто не хочет, – спокойно ответил Сева, продолжая уверенно тащить её к лодкам. – Наша цель – оставить их наедине.

– А если бы они захотели покататься? – не удержалась Полина, выдернув руку и тряхнув чёлкой.

– Тогда мы бы остались, – невозмутимо ответил Сева.

Дима даже не смотрел в их сторону. Просто шёл к дубу, не оборачиваясь, чувствуя Наташу за спиной. От того, что она сама согласилась посидеть с ним, давление на внутренности сначала ослабло. А теперь становилось невыносимым с каждым шагом. Он замедлился, по-прежнему не оборачиваясь, опустил на траву и вытянул ноги. Наташа осторожно села рядом, почти касаясь плечом его плеча. Надо было что-то сказать, но слов не было – только тишина, расслабленный покой и уютная умиротворённость. Словно они созданы сидеть так, рядом друг с другом.

– Прости, ты, наверное, хотела покататься, – наконец сказал Дима, не отнимая глаз от книги.

– Нет, – так же тихо выдохнула Наташа, не поднимая глаз. – Вообще-то я не слишком люблю лодки. Меня укачивает.

– Учту, – хмыкнул Дима, вновь втыкая нос в книгу.

– Правда? – Наташа посмотрела насмешливо, но он не заметил, погружённый в чтение.

– Почему нет? – Он вдруг поднял глаза и обжёг пронзительным взглядом, до нутра.

– У Дмитрия Николаевича много работы, – вывернулась она, переводя всё в шутку. Дима принял её, бросил хитрый взгляд, украсил ответ насмешкой.

– Больше, чем может подумать обычный врач, но меньше, чем думает Наташа.

Она покраснела. Невольно, резко, от подбородка до кончиков ушей и лба. Зачем-то моргнула и несмело улыбнулась. Столько слов теснилось внутри, столько вопросов и предложений, но... Это же обычный флирт. Привычный для Димы. На что она могла рассчитывать?..

Глава седьмая

Молчать рядом с Димой было уютно. Всегда. Внезапная неловкость, возникшая в Наташиной груди, была даже приятной – сидеть вот так, рядом, плечом к плечу, слушать шелест переворачиваемых страниц, ощущать тепло, исходящее от его тела. День клонился к закату, солнце успело наполовину скрыться за деревьями, когда на палец Димы села крупная бирюзовая стрекоза. Наташа невольно затаила дыхание: он поднял глаза и осторожно вытащил книгу, откладывая её в сторону. Ни одного лишнего движения. Крылышки стрекозы слегка подрагивали на ветру, она крепко цеплялась лапками за длинный палец и явно не собиралась никуда улетать.

– Красивая, – прошептала Наташа. Покосилась на Диму и застыла, провалившись в его взгляд. Задумчивый. Серый, как грозовое небо. Не говоря ни слова, он протянул к ней руку, стараясь не потревожить стрекозу. Сердце колотилось так оглушительно, что он наверняка слышал его стук. Щёки вспыхнули, Наташа смутилась, подумав, как глупо, наверное, выглядит сейчас. Протянув Диме указательный палец, остальными она почти коснулась его ладони. Делая вид, что продолжает смотреть на стрекозу, жадно рассматривала его пальцы, будто видела впервые. А может, так оно и было, до этого просто не обращала внимание. Длинные, слегка узловатые, с ровными продолговатыми лунками ногтей. Жар от щёк спустился к шее, стоило представить, как он касается этими пальцами её. Нежно и трепетно, или сминая кожу.

Упрямая стрекоза по-прежнему цеплялась за Диму, не желая перебирать лапками, а он, кажется, совсем перестал дышать. Только смотрел, смотрел, смотрел на её руку. Желание сжать её в своей, переплести пальцы, поймать растерянный взгляд стало практически нестерпимым. Поняв, что ещё немного, и он умрёт от нехватки кислорода, Дима пошевелился, и стрекоза моментально вспорхнув, улетела. Глубоко вздохнув, он пожал плечами, будто извиняясь за это, убрал руку и только тогда взглянул на Наташу.

– Видимо, ей я понравился больше.

– Не удивительно, – невольно вырвалось у Наташи. Заметив, как заинтересованно приподнялись брови Димы, она поспешила уточнить: – У меня руки холодные.

Нет. Они не были холодными, и оба это отлично знали – он успел почувствовать её пульс, толчками передающийся его коже. Но оба предпочли сделать вид, что это единственная правда. Наташа неловко взмахнула ладонью, которую продолжала держать на весу, и смущённо улыбнулась. Нервно заправила волосы за ухо, прищурилась, глядя на воду.

– Интересно, где же Польша с Севой? – спросила с преувеличенным весельем.

– Хочешь поискать?

– Да! – Наташа откликнулась слишком быстро, попыталась спрятать новый виток смущения за кривой улыбкой. Дима тут же поднялся, протянул ей руку так стремительно, словно боялся опоздать. Горячая ладонь обожгла, пальцы дрогнули в попытке сдержаться, не обхватить крепче.

– Ну что, пойдём искать? – громко спросила Наташа, быстро освободившись. Он тут же сделал шаг в сторону, увеличивая расстояние между ними. Достаточно, чтобы перестать чувствовать тепло её тела, но недостаточно для того, чтобы перестать чувствовать жасминовый аромат. Крюк провернулся во внутренностях, к горлу подступила горечь. От глаз брызнули лучики-морщинки, Дима кивнул в сторону реки и предложил:

– Если хочешь, можем разделиться. Я поищу вдоль реки, а ты на пирсе.

Наташа благодарно кивнула – находиться рядом с ним сейчас было слишком мучительно. Мучительно стыдно. Мучительно неловко. Мучительно жарко. А ещё... мучительно сладко. Она проводила взглядом удаляющуюся широкую спину и вздохнула. Это было дикое желание, но такое естественное, что пришлось заставить себя остаться на месте: так хотелось подойти

и обнять. Режим невидимки, к которому Наташа почти привыкла за последний год, в присутствии Димы отключался. Она знала, что он её видит. И видел всегда. Никогда не считал ненужной и мешающей. Находил нужные слова и утешал, когда было плохо. И она привыкла к этой заботе, стала считать чем-то само собой разумеющимся. А теперь, потеряв его постоянную, незримую, но, как оказалось, такую необходимую поддержку, растерялась. Поняла, как важна она была для неё. Как важен для неё был он.

Чувствовать волнение в его присутствии было непривычно. Хотелось горько рассмеяться, ведь Наташа всегда замечала его. Знала, что бывший учитель привлекает женщин. Не раз слышала, как с хихиканьем молоденькие медсёстры обсуждают, что он скрывает в штанах. Как краснеют девушки, случайно встречая его на улице. Но никогда, никогда не воспринимала его больше, чем друга. И вот, сама попалась, глупый мотылёк. Мотылёк, который точно знает, что этот свет не просто обожжёт – спалит дотла только что собранное по кускам сердце.

Новый вздох. Наташа решительно зашагала к пирсу, выискивая среди лодок, скользивших по воде, рыжий хвост. Досадливо поджав губы, нахмурилась – ни Севы, ни Полины в ближайшей видимости не наблюдалось. Зато взгляд с лёгкостью выцепил русую макушку, вышагивающую вдоль кромки воды. Подойти, шутливо спросить, куда они запропастились, а потом вместе строить предположения разной степени пошлости – Наташу потянуло к нему, она даже сделала несколько шагов, но остановилась. Игривость как ветром сдуло, потому что воображение разыгралось, подкидывая вероятные картины того, что могло произойти, если бы это они уплыли куда-то и сейчас сидели бы в одной лодке, касаясь друг друга коленями. Во рту пересохло. Зажмурившись, Наташа помотала головой, прогоняя пугающе яркое и реалистичное видение того, как Дима накрывает её колено ладонью и мягко поглаживает, заглядывая в глаза. Внизу живота сладко заныло, так неожиданно, что стало страшно.

– А где Дмитрий Николаевич? – Полина подскочила откуда-то со спины. Следом лениво вышагивал Сева, не вынимая зубочистку изо рта и руки из карманов.

– Вас пошёл искать, – Наташа кивнула на берег. – А где вы, кстати, были?

– Полька едва не перевернула лодку, – пожал плечами Сева. – Поэтому наша прогулка закончилась слишком быстро.

– Не понимаю, зачем залезать в шаткую дрянь, – огрызнулась Полина.

– Может, потому что в лодке романтичнее? – ехидно спросила Наташа, ища подтверждение своей догадки на лице Севы. Но проще гадать на кофейной гуще – оно было непроницаемо.

– Если считаешь, что так романтичнее, прокатилась бы с Дмитрием Николаевичем. – Полина мило улыбнулась.

– Наташу укачивает в лодке.

Его голос, низкий, спокойный, заставил приподняться волоски на затылке.

– Говорят, прогулка верхом тоже очень романтична, – невинно округлила глаза Полина. – Не хотите как-нибудь взять с собой Наташу и прокатиться?

– Верхом? – Дима почесал затылок, сделав вид, что задумался. Улыбнулся и развёл руками: – Я не умею сидеть в седле.

– Я тоже, – нервно рассмеялась Наташа. – К тому же, не думаю, что у главврача найдётся время на прогулку.

– Разве я не говорил тебе о своей загруженности и твоих мыслях о ней? – фыркнул Дима, насмешливо щурясь. Наташа невольно покраснела. До сих пор думала, что глубоко завуалированный намёк ей просто показался.

Дима продолжал смотреть, и внутри всё переворачивалось, стучало в голове одним вопросом: чего он ждёт? Пауза затянулась. Небрежно пожав плечами, он повернулся к Севе и протянул:

– Думаю, на сегодня достаточно с меня достаточно свежего воздуха. Не буду вам мешать, развлекайтесь.

Послав последнюю неповторимую улыбку глазами, он засунул руки в карманы, развернулся и ушёл, почти мгновенно потерявшись в толпе. Сева подавил досадливый вздох и с лёгким упрёком посмотрел на Наташу, но, заметив, как застыло её лицо, решил промолчать. Лишь позволил себе немного понаблюдать за тем, как она тоскливо смотрит на место, где он только что стоял.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – проговорила она, с трудом разлепив губы.

– Я тебе пойду! – тут же возмутилась Полина. – Мы вообще-то только пришли!

– Вы вообще-то успели покататься на лодке, – язвительно откликнулась Наташа. – Кстати, что дальше по плану?

– Ещё не решили, – небрежно откликнулась Полина, мотнув хвостом. Хитро прищурилась: – Ты тоже не скучала, пока нас не было?

– Да, – просто ответила Наташа, не собираясь спорить.

Настроение испортилось, люди вокруг раздражали, а от обилия запахов начала кружиться голова. Скорее домой, в привычную тишину, в собственные мысли, которые никак не получается разложить по полочкам. Желание броситься за Димой, как только он отошёл, было таким сильным, что до сих пор пугало. Единственное, что остановило – Наташа не знала, что ему сказать. Как уговорить остаться. Как объяснить то, что она до сих пор не может объяснить себе. Не простое «вы мне нравитесь», а нечто более сложное, многослойное, глубокое. Она понимала: любое оправдание будет выглядеть слишком эгоистично. Любое слово будет говорить о том, как плохо без него, и ничего о том, что мог бы чувствовать он. Не хотелось навязываться. Бегать влюблённой дурочкой, заглядывая в рот. Не гордость даже – страх бился пульсом в висках, страх быть отвергнутой. И что потом?.. Прятать глаза, избегать встреч, лишиться себя шанса просто быть рядом.

Полина открыла рот, чтобы уговорить остаться, но Сева мягко перехватил чуть выше локтя и чуть заметно качнул головой.

– Мне начинать беспокоиться? – прохладно поинтересовался Женя, останавливаясь ровно между ними. Полина резко выдернула руку и бросилась ему на шею. Женя машинально приобнял одной рукой, давя Севу тяжёлым взглядом. Заметив это, тот усмехнулся и демонстративно засунул руки в карманы. Пусть Женя был выше на голову и гораздо шире в плечах, но Севу он никогда не напугает.

– Не стоит, – бросил небрежно. Нагнулся, срывая травинку, засунул её в рот и плавно перекатил из одного угла в другой.

– Я тебе сейчас всё объясню! – воодушевлённо заговорила Полина.

– Хотелось бы. – В голосе Жени по-прежнему звенели льдинки. – Видел, вы вдвоём катались на лодке. А мне ты всегда говорила, что не любишь.

– Не люблю, – тут же кивнула Полина. – Не представляешь, как это скучно.

– Но при этом согласилась прокатиться с ним. – Казалось, ещё немного, и чёрные глаза Жени прожгут в нём дыру.

– Жень, – потрясённо прошептала Полина, наконец отлипнув от него, и чуть отступила на шаг, чтобы лучше видеть. – Ты что, ревнуешь?

– Мне кажется, это нормальная реакция мужчины на поведение его женщины, – ровно ответил Женя, наконец посмотрев на неё. Глупая улыбка расплылась на её лице, глупая и поражённая. Обернувшись к Севе, Полина восхищённо проговорила: – Ты точно гений, Жаров!

Сева пожал плечами, будто говоря: всегда пожалуйста, обращайтесь. Женя чуть нахмурился – едва заметная полоска расчертила гладкий белый лоб.

– Ты хотела заставить меня ревновать?

– Нет! Ну, это конечно приятный бонус, но дело совершенно не в этом. – Полина звонко поцеловала его и взяла под руку. – Дело в том, что мы были с Наташей и Дмитрием Николаевичем.

– Я его видел, – кивнул Женя. – Но при чём тут...

– Не перебивай, а слушай. Я сейчас всё расскажу.

Когда Полина замолчала, он нахмурился ещё больше.

– А зачем вам вообще это нужно? Они взрослые люди, сами разберутся.

– И будут разбираться ещё сто лет, – раздражённо откликнулась Полина. – Мы должны их подтолкнуть.

– Тебе скучно? – это вопрос предназначался Севе. Тот не стал спорить, кивнул и усмехнулся.

– Если это никому не причинит вреда, даже наоборот, не вижу ничего ужасного в том, чтобы помочь, – протянул он.

– Звучит логично, – согласился Женя и наконец обнял Полину по-настоящему, притягивая к себе одной рукой.

– А ведь ты мог бы нам помочь, – задумчиво протянул Сева, пристально глядя на Женю. – Хочу посоветоваться с тобой по поводу одного метода гипноза. Ты же его плотно изучаешь.

– Хочешь использовать его на Наташе? – приподнял бровь Женя.

– Нет, на Диме.

– Серьёзно?! – две пары глаз уставились на Севу, а тот, довольный произведённым эффектом, небрежно перекинул травинку во рту.

– Если сделать всё аккуратно, он не узнает, – насладившись, ответил Сева.

– И что ты хочешь сделать? – прошептала Полина. От волнения у неё сел голос.

– Ничего страшного, просто попробовать вызвать фантомную боль в ноге. Наташа проведёт осмотр. Только и всего. Твоя помощь, Жень, будет очень кстати.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, – ровно ответил Женя. – Наташа в любом случае поймёт, что с ногой всё в порядке.

– Пусть думает что хочет. Главное сделать это изящно и быстро.

Полина округлила глаза и пробормотала: «Гений», за что удостоилась внимательного взгляда Жени. Ничего не сказав, он крепче обнял её, почти впечатав в свой бок и всем своим видом давая понять, что эта женщина принадлежит только ему.

Глава восьмая

Дима снова не спал. Какую ночь подряд – сбился со счёта. Проваливался в короткий, тревожный сон на рассвете, чтобы через пару часов подняться и ехать на работу. Можно было списать это на скуку, однообразную работу и желание сделать что-то привычное. Вернуться к практике, а не тонуть в бумажной рутине и ругани с Минздравом. Порой он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег, задыхающейся без привычной среды. Никогда не подходил для спокойной работы, и сейчас это ощущалось особенно сильно. Но было ещё что-то, мешавшее заснуть. Наташа.

Он так привык быть ей нужным, что продолжал ждать – сама подойдёт и попросит о помощи. Или о компании. Будет искать встречи, делиться одиночеством. И он снова станет нужным. Не питая иллюзий относительно её чувств к нему, Дима честно хотел быть другом. *Продолжать* быть другом. Но сам с каждым днём понимал всё сильнее: ему этого мало. Лёгкие намёки, изящный флирт, многозначительные взгляды и не менее многозначительное молчание – он закидывал крючки, зная, что они останутся, что будут колоть, незаметно, но постоянно. Будут заставлять думать о нём. Эгоистично, но в последнее время просто необходимо.

Уже тогда, неделю назад, сидя с ней под деревом, он отчётливо понял – не хочет её отдавать. И тот, кто так и не пришёл на свидание, явно не заслуживает женщину, подобную Наташе. Заслуживал ли её сам Дима – совершенно другой вопрос, на который был однозначный ответ – нет. Поэтому мог только наблюдать, смотреть, любоваться издали. Восхищаться. Потребность, которая в последнее время проявлялась всё чётче: незаметно наблюдать за ней, находиться близко, но недостаточно, чтобы она почувствовала его присутствие. Насмехался сам над собой, над своими желаниями, но раз за разом приходил к её окнам, чтобы... Чтобы что? Увидеть её с другим и наконец отпустить? Именно это Дима твердил себе в оправдание. Ждал с маниакальной настойчивостью, чтобы в очередной раз убедиться – не заслужил. Но всё равно, стоя под моросящим дождём, продолжал смотреть, как гаснет свет в её окне.

Город накрыло дождём. Третьи сутки он не прекращался, от сырости не было спасения, а больница заполнилась чихающими и кашляющими людьми. Наташа вздохнула – только что выслушала жалобу от зава терапевтическим отделением о том, что надо срочно пополнить запас жаропонижающих и анальгетиков. Сходить к Диме под этим предлогом? Покосившись на окно, Наташа пожевала губу. Придётся идти в другой корпус, а выходить на улицу по такой погоде совершенно не хотелось. Но повод увидеться с Димой затмевал все возможные неудобства. После той прогулки они не виделись почти две недели. Может, появится повод незначай пригласить на День города? Если кто-то будет его отмечать под дождём... Надо было пригласить ещё тогда – Наташа сто раз успела прокрутить их короткий разговор под дубом. Что могла бы сказать, как. У неё не было опыта в подобных разговорах. В остроумных недосказанностях, обещаниях, дающихся одним только взглядом. Но она была готова учиться. Ради того, чтобы точно узнать, стоит ли вообще пытаться. Решительно придвинув к себе лист, Наташа начала быстро писать, составляя служебную записку. А когда закончила, аккуратно сложила и отправила в сумку. А у терапевта за помощь потом что-нибудь для своего отделения выпросит... Надеть плащ, попросить у кого-нибудь зонтик, вытащить из шкафа резиновые сапоги – прокручивая в голове последовательность действий, она поднялась из-за стола, когда в дверь постучали.

– Наталья Сергеевна, Дмитрий Николаевич плохо себя...

– Что случилось?! – тут же перебила Наташа. Что может случиться с врачом, который сам прекрасно может себя вылечить? Но разум уже подкинул сотню причин, включая боль в суставах, сердечный приступ и воспалённый аппендикс.

– Мигрень, – ответил медбрат. – Всеволод Анатольевич послал за вами. Сказал, что только вам может доверить здоровье главврача.

– Ну конечно, – проворчала Наташа, моментально успокаиваясь. Ей было лестно это слышать, конечно, но мигрень – это уже слишком... И всё-таки лёгкое беспокойство зудело под кожей, пока они шли к административному корпусу, обходя глубокие лужи. Переработал? Совершенно себя не щадит! Вредный, ворчливый, совершенно невыносимый во всём, что касается собственного здоровья – она обязательно выскажет всё, что об этом думает! Но яростное желание моментально выветрилось, стоило увидеть страдальческий взгляд. Дима лежал на диване, лицом к двери, и только приоткрыл веки, попытался пошевелить пальцами, привычно взмахнуть рукой, но тут же поморщился – лоб расчертили глубокие полосы. В полумраке кабинета его глаза ярко, лихорадочно блестели. Сева, сидевший за столом, облегчённо выдохнул:

– Ну, наконец-то!

– Давно он так? – деловито спросила Наташа, снимая плащ и сапоги.

– Мне сказал полчаса назад, сколько на самом деле – не знаю.

Конечно, Сева прекрасно знал, и это его жутко злило. Почти три часа назад он начал претворять очередной план в действие – невзначай показал ролик в телефоне, от которого на удивлённых глазах Севы Дима погрузился в транс. Только что-то пошло не так, и вместо ноги заболела голова. Он видел, как расширились зрачки, как Дима дёрнулся, прикоснулся к виску двумя пальцами. Но время шло, ничего не происходило. Не считая редких вздохов. В конце концов, Дима сдался. Прикрыл глаза рукой, с силой сжал виски и глухо застонал.

– Что? – с лёгкой ноткой любопытства поинтересовался Сева.

– Голова, – просипел Дима через силу. На короткий, очень короткий миг Севе стало его жалко. А ещё некстати подумалось, что, если кто-то узнает, как он на несколько часов фактически оставил больницу без начальства, выведя из строя, дело может закончиться не так приятно, как хотелось бы.

– Ложитесь на диван. Я позову кого-нибудь.

– Само... пройдёт... – еле слышно проговорил Дима, прикрывая глаза – свет казался слишком ярким. Сделал шаг, его повело, и Сева тут же подставил плечо. Помог дойти до дивана, уложил, выключил лампу. Оставалось только ждать. Всё это время Дима лежал, не шевелясь, каждое движение приносило невыносимую боль. Кто-то вставил прямо в мозг раскалённый прут, потом перетянул им череп и теперь давил, сужая окружность. Ещё чуть-чуть, и голова просто взорвётся.

Укоризненно глядя на него, Наташа проглотила все обвинения в халатном отношении к себе, осторожно присела на край дивана и протянула руки к его вискам.

– Подожди, – тут же остановил Сева. – Тебе лучше сесть со спины, я думаю. Так будет меньше света, – пояснил в ответ на удивлённый взгляд. Впрочем, спорить она не стала. Осторожно вытащила подушку из-под головы Димы, устроилась на диване, откинувшись на подлокотник, и положила его голову себе на колени. Сева выдохнул – когда она смотрела прямо на него, остановить гипноз было значительно сложнее, Света обязательно заметила бы, как он включает телефон и ставит запись с тихой, едва слышной мелодией, которая должна вывести из транса.

Когда прохладные пальцы осторожно легли на виски, Дима едва не застонал от облегчения. Волны боли стали значительно меньше, но всё ещё отдавались прибоем, пульсируя. Наташа осторожно поглаживала его лоб и хмурилась всё больше.

– Странно, – пробормотала она под нос.

– Что? – спросил Сева.

– Впервые слышу, что он страдает мигренями. – Она посмотрела через плечо. – Я бы посоветовала проверить сосуды. И вообще, – Наташа посмотрела на Диму, – зачем было вызывать именно меня?

– О тебе подумал в первую очередь, – улыбнулся Сева.

– Конечно. Я кости лечу, а не мозги. – Наташа отвернулась и снова провела кончиками пальцев по его лбу, отмечая, как постепенно уходит напряжение, а дыхание из сдавленного становится ровным. Не удержалась, задевая волосы кончиками пальцев. Спустилась ниже, к напряженной шее, слегка надавила, принимаясь массировать. Дима вздохнул, тихо, но она услышала. Надавила сильнее, расслабляя забитые мышцы. Удобнее, конечно, было положить его на живот и сделать полноценный массаж, и Наташа прекрасно знала, что может себе это позволить. Что это не вызовет никаких вопросов ни от Димы, ни от Севы, шелестевшего бумагами за спиной. Но сидеть так, держать его голову у себя на коленях, смотреть прямо в лицо – нет, она потерпит. Невыносимо хотелось коснуться его кожи. Прикусив губу, Наташа осторожно нырнула под ворот рубашки и едва не одёрнула руку – обожглась. Провела по позвонкам, расправила ладонь, проходясь круговыми движениями сверху-вниз и обратно. Почти коснулась лопатки, каменной, напряжённой. Нахмурилась. Нет, определённо его стоит затащить на медосмотр. Прописать курс физиотерапии, пусть только попробует отказаться.

– Наташа, – не открывая глаз, проговорил Дима. От неожиданности она едва не выдернула руку, будто её застали за чем-то непристойным. – Я чувствую твоё недовольство. Говори уже.

– Что вы хотите услышать? – с лёгкой ноткой осуждения ответила она, неспешно поднимая ладонь выше, к затылку, и словно невзначай зарываясь в волосы. Мягкие. На удивление мягкие и очень, очень густые.

– Лекцию о халатном отношении к своему здоровью, – пробормотал он еле слышно. Подавив улыбку, Наташа снова провела по волосам, зарываясь в макушку. Осмелев, добавила вторую руку, нежно поглаживая русые пряди.

– Вы действительно хотите услышать её прямо сейчас? – спросила лукаво, склонив голову набок.

– Нет. – Дима приоткрыл один глаз и посмотрел снизу вверх. – Сейчас мне слишком хорошо, чтобы вникать. Но, раз её не избежать, лучше покончить поскорее с неприятными процедурами.

– Процедурами, значит, – с угрозой уточнила Наташа, не прекращая ерошить волосы. Дима снова закрыл глаз и что-то нечленораздельно промычал. – А знаете, – задумчиво протянула она, – я, пожалуй, перенесу лекцию. – Пауза. – На завтра. Жду вас на приёме.

Дима открыл оба глаза, укоризненно взглянул.

– Это жестоко даже для тебя.

Осторожно сжав его виски в ладонях, Наташа склонила к нему голову так, что её волосы упали по обе стороны от их лиц, накрывая светлым шатром. Не отрывая взгляд, она хищно улыбнулась и прошептала:

– Я знаю.

Надо было отстраниться. Шутка шуткой, но сейчас она слишком затянулась. Секунды бились его пульсом в кончики её пальцев. Ускоряясь. Обгоняя ход времени. Воздух сгустился, стал тяжёлым, с трудом пробиваясь в лёгкие. Его зрачки расширились, затопив практически всю серую радужку. Неглубокие морщинки в уголках глаз – сейчас она с лёгкостью могла их пересчитать. Обвести их контур. Стук дождя по стёклам, шелест переключаемых страниц, звук собственного шумного дыхания... Наташа приоткрыла рот, порывисто вздохнула и резко выпрямилась. В последний раз взъерошила макушку в его любимом жесте, переложила голову на подушку, поднимаясь.

– Не забудьте, завтра жду на приём. – Голос слегка просел. Наташа попыталась улыбнуться, но сердце так сильно колотилось, что губы подрагивали, не желая растягиваться.

– Может, ты придёшь сама? – без особой надежды спросил Дима, медленно садясь.

– Нет. – Наташа нахмурилась. Посмотрела на Севу, наблюдавшего за ними с нечитаемым выражением лица. – Если он откажется, приведу силой. Протащу через всю больницу, пусть видят.

– Ты ужасная девушка, ты знаешь? – проворчал Дима.

– Девушка? – переспросила Наташа. Сердце, только успокоившееся, снова сбилось с ритма.

– Ну, – Дима выразительно посмотрел на неё, – насколько мне известно, точно не мужчина.

– Старый извращенец. – Наташа вспыхнула, тряхнула головой, подхватила плащ и сапоги и выскочила, не прощаясь.

Тихо посмеиваясь про себя, Дима повёл плечами. Давно не чувствовал себя так хорошо и так... легко.

– Вы бы всё-таки пригласили её на свидание, – небрежно протянул Сева.

Дима не ответил. Поднялся, засунул руки в карманы и подошёл к окну. Невысокая, хрупкая фигурка, кутаясь в плащ, обходила лужи. Шаг, другой, и она скрылась за поворотом.

– Что там у нас с делами? – спросил, не оборачиваясь. Сева закатил глаза – раздражающе упрямый!

Глава девятая

Остаток дня прошёл для Наташи, словно во сне. Она что-то делала, о чём-то говорила, но мыслями была слишком далеко от работы. Мысли остались там, на диване в кабинете Димы. Руки до сих пор помнили мягкость его волос, а перед внутренним взором стоял завораживающе-тёмный взгляд, в который затягивало без возможности вырваться на поверхность.

Проворочавшись полночи, Наташа забылась тревожным сном и к утру чувствовала себя совершенно разбитой. Напряжение, скрутившее вчера, не отпускало, напротив – затягивало внутренности в тугой узел, заставляя сердце стучать с перебоями. Придёт или не придёт? И если не придёт, сможет ли она исполнить свою угрозу и протащить за ухо, как нашкодившего мальчишку, по больнице? Стоило это представить, как стало легче. Наташа задумчиво улыбнулась, в голове зазвучали его оправдания и просьбы отпустить. Она смогла воспроизвести малейшую интонацию его голоса, каждую фразу. Не сдержалась, захихикала.

– Смешной перелом? – раздалось над ухом. Наташа подпрыгнула, резко оборачиваясь – за спиной стоял Дима. Отложив рентгеновский снимок, который держала в руках, Наташа укоризненно посмотрела на него.

– Вы никогда не научитесь стучать?

– Зачем? – он пожал плечами. – Или... я мог застать тебя за чем-то непристойным?

– Извращенец, – проворчала обречённо. Насмешливый взгляд Димы ответил: что есть, то есть. Поднявшись, она обошла его, закрыла окно и кивнула на кушетку: – Раздевайтесь.

– Наталья Сергеевна, так быстро? – распахнул глаза Дима. – Не то, чтобы я был совсем против, но существуют же какие-то правила приличия...

– Дмитрий Николаевич! – от возмущения Наташа задохнулась, стремительно краснея. – Вы когда-нибудь научитесь думать о здоровье серьёзно?

– Хм, – он приложил палец к губам, – конечно, для здоровья это тоже полезно. Но я привык раздеваться перед красивыми девушками для обоюдного удовольствия.

– Дмитрий Николаевич! – зарычала Наташа, стиснув кулаки. Вены на висках пульсировали так отчаянно, что казалось – голова вот-вот лопнет. – На кушетку, быстро!

– Какое рвение, – пробормотал он, посмеиваясь, но спорить больше не стал, покорно снял халат и серую водолазку и лёг на живот. Приподнял голову, насмешливо уточнил: – Или, может, ты хотела, чтобы я перевернулся?

Успев подойти, Наташа молча ткнула его в затылок, заставляя лечь обратно, и со вздохом устала на напряжённую спину. Стиснув зубы, начала разогреть мышцы, разминая креп-

кими пальцами. Дима замолчал, поддаваясь её рукам, охота говорить отпала, осталось только блаженное расслабление, растекавшееся по телу.

– Это не шутки, – тихо проговорила Наташа, массируя каменную трапецию. – Вам действительно надо пройти курс физиотерапии, иначе потом придётся столкнуться с множеством неприятных последствий. С головной болью напряжённого типа вы уже столкнулись. Хотите дотянуть до судорог?

– Я совершенно здоров, – неразборчиво пробормотал Дима в подушку.

– Не обольщайтесь, – Наташа перешла к дельтовидной мышце, перекатывая её под руками. – В вашем возрасте, – продолжила ехидно, стараясь не отвлекаться на упругое, подтянутое тело, – начинают вылезать хронические болячки.

– Хроническая у меня только усталость, – всё так же невнятно ответил Дима.

– Надо больше отдыхать. – Наташа пожала плечами, зная, что он почувствует это движение.

– Наташ, – простонал он замучено, – может, поговорим о чём-то более интересном, чем моё здоровье?

Наташа замолчала, наблюдая за движением собственных ладоней, скользящих по его спине. Действительно, что она завелась? О собственном самочувствии он знает гораздо больше, чем она. И никогда не пренебрегал указаниями врачей, если было что-то на самом деле серьёзное. При таком сумасшедшем ритме, в котором он жил последние годы, не вылезая из операционной, на обычную простуду или головную боль просто не обращаешь внимание. Широкие плечи, узкие бёдра, рёбра под её пальцами – она водила медленно, завершая массаж мягкими поглаживаниями.

– У вас есть родинки? – вырвалось вдруг, прежде чем она смогла подумать.

– Родинки? – удивлённо переспросил Дима.

– Ну, – Наташа смутилась, – родинки, кажется, есть у всех. У меня, например, есть. А у вас? – Она внимательно осмотрела спину и с сожалением отступила на шаг.

– Одевайтесь, – вздохнула, не ожидая, что он ответит.

Дима сел, взял водолазку, но не спешил её надеть. Смотрел задумчиво, держа в руках, потом вскинул глаза и прищурился.

– Есть, – сказал неожиданно. Лучики-морщинки стали глубже, глаза зажглись лукавым огоньком. – Две.

– Правда? – как можно более равнодушно произнесла Наташа. – Покажите?

Он раздумывал примерно десять секунд, испытывая терпение на прочность. И когда Наташа готова была бросить: забудьте, вдруг отложил водолазку и потянулся к шее. Медленно, едва касаясь кончиками пальцев, он поднимался к мочке уха. Наташа затаила дыхание. Дима повернул голову, и в палате стало оглушительно тихо. Небольшая аккуратная родинка прямо за ухом – Наташа едва не застонала от разочарования, когда его пальцы прекратили движение. Сердце грохотало в горле, когда она подошла ближе, потянувшись, замерла, почти коснувшись кончиками пальцев. Подняла на него глаза, и в желудке резко образовалась пустота. Он смотрел серьёзно, слишком серьёзно для лёгкого, небрежного разговора. Наташа сглотнула, протолкнула колючий комок по горлу и тихо спросила:

– А вторая?

– Вторая? – Дима хмыкнул, натянул водолазку и подхватил халат. Поднялся – Наташа не успела отступить, пришлось задрать голову, чтобы по-прежнему смотреть прямо в глаза. – Вторая, – прошептал, склоняясь к её уху, – находится в месте, которое неприлично показывать на медицинском осмотре.

Удар сердца. Ещё удар, и Наташа возмущённо ткнула его в грудь, полыхнув пунцовым. Дима послушно отступил, тихо посмеиваясь.

– Извращенец, – проворчала она, окончательно смутившись.

– Не думаю, что ты в полной мере осознаёшь, что означает это слово, – задумчиво протянул Дима. Привычно улыбнулся, склонив голову набок: – На этом приём можно считать оконченным?

– Ой, да идите уже! – махнула рукой Наташа, испытывая настоящую потребность спрятать лицо в ладонях. А лучше – спрятаться самой, забиться в тёмный угол и там смаковать каждую деталь последнего часа.

Глава десятая

Небо, бесконечно синее, свободное от летнего жара, не успевшее принять в себя зимний холод, раскинулось над кладбищем. Ровные ряды могил, запах увядающих цветов и шелест ветра, словно шепот ушедших за черту – здесь всегда было привычно. Всегда проще думалось, когда удавалось загнать чувство вины на знакомую глубину. Дима стоял, ссутулившись, смотрел на памятник, но не мог найти ни привычных слов, ни знакомой тоски. Вместо неё душу сжигала тоска иная – новое, сосущее чувство, тянущий внутренности крюк. И вместе с тем именно благодаря ей он сейчас чувствовал себя живым. Почти настоящим. Эмоции, волнующие, тревожащие, вспарывали стальной панцирь, которым он отгородился от окружающего мира. Каждый взгляд, каждый вздох, каждое слово резали его броню, из появляющихся щелей в душу просачивался свет. Она делилась им неосознанно, но кто он такой, чтобы добровольно отказываться от возможности побыть нормальным? Обычным человеком, чьё сердце банально сбивается с ритма, стоит её увидеть. В чьих мыслях сотни диалогов, оттенков, полутонов. Хотелось залезть ей в голову. Узнать, что думает. Понять – в очередной раз показалось, или есть надежда?..

Посмеиваясь, Дима не раз и не два вспоминал её полный любопытства взгляд, когда показывал родинку. К своей внешности всегда относился спокойно, знал, что достаточно привлекателен, чтобы увлечь, порой пользовался этим, но чаще – равнодушно пожимал плечами в ответ на чужой восхищённый взгляд. Сейчас всё изменилось. Он хотел стать для неё особенным. Хотел и боялся одновременно. Боялся, что любопытство сменится равнодушием. А сам он окончательно смешается в её глазах с толпой друзей, любимых настолько, насколько могут быть сильными чувства к другу. Отчаянно хотелось большего. Больше *её* в его жизни. И может, стоило рискнуть, но будет ли этот риск чего-то *стоить*?.. И если будет, то какую цену придётся за него заплатить?

Улицы украсились флагами, но город словно сам решил себя приодеть, распуская последние осенние цветы. К вечеру планировался большой праздник, а после – фейерверк и гуляния до рассвета. Сева возлагал на этот вечер большие надежды, подумав, что пора переходить к более решительным действиям. Сложив руки в замок, он опустил на них подбородок и посмотрел на Полину и Женю.

– Сегодня нам понадобится как можно больше людей.

– Зачем? – Полина, только что подцепившая ложечкой мороженое, аккуратно отправила шарик в рот, поэтому вопрос прозвучал немного невнятно.

– Нам нужно их напоить, – спокойно ответил Сева.

– Зачем? – на этот раз спросил Женя.

– Когда люди испытывают друг к другу симпатию, но не могут раскрыться, алкоголь помогает убрать барьеры. Хотя бы на время.

– Но Наташа и Дима много раз пили вместе, – с сомнением протянула Полина. – И ничего никогда не происходило.

– Это потому что за дело не брался я, – как всегда скромно сказал Сева. – Я объясню вам план, но повторюсь, нужна большая компания. Приглашу одноклассников, обстроим всё как спонтанную встречу выпускников.

– И ты обо всём им расскажешь?

– Паре человек точно. Остальные сойдут для массовки, им знать не обязательно.

Снабдив Полину и Женю необходимыми инструкциями, Сева принялся ждать. Человека, на которого он возлагал немалые надежды и вместе с тем за которого больше всего переживал из-за чрезмерной активности и энтузиазма.

– Севка! – Ваня появился шумно, озарив улыбкой небольшое кафе. Лучший анестезиолог больницы и по совместительству лучший друг Димы, он был плечистым, абсолютно лысым и обладал самой яркой улыбкой в больнице. – Ты сказал, что тебе требуется помощь! Я всегда рад, только скажи!

Присев за столик, он заказал огромный стакан смузи с зеленью, огурцами и авокадо, и пояснил, что в здоровом организме надо постоянно поддерживать неиссякаемую силу молодости.

– Так что за помощь?

– Помощь требуется не мне, а Диме.

– Димке? Так что ж ты сразу не сказал? Я прямо сейчас готов, что надо делать?

– Подождите, – скрипнул зубами Сева. – Всё гораздо сложнее. Дело касается девушки.

– Девушки? – улыбка Вани стала ещё шире. Он показал большой палец и хохотнул: – В Димке так и бурлит молодость, я всегда ему об этом говорил! И на кого он положил глаз?

– Дело деликатное, – Сева понизил голос, заметив, что на них начинают поглядывать с интересом. – Так получилось, что он никак не решается признаться.

– Димка и не решается? – с сомнением уточнил Ваня, неосознанно заговорив тише. – Тогда это действительно особенная девушка, иначе давно бы оказалась в его постели.

– Он не уверен в её ответных чувствах.

– Как будто когда-нибудь это его останавливало, – усмехнулся Ваня. В ответ на полный сомнения взгляд Севы он подмигнул: – Мы знакомы всю жизнь, я неплохо осведомлён о способах обольщения, которые использует Димка.

– А вот отсюда хотелось бы узнать поподробнее, это может пригодиться.

Когда Ваня ушёл, Сева задумался. Проникновенный взгляд, шуточки на грани, небрежная демонстрация силы, случайные прикосновения – Дима вёл себя так всегда. С Наташей. И либо действительно обхаживал её, либо делал это неосознанно, инстинктивно, не рассчитывая на удачу. Сева почувствовал жалость, холодком растёкшуюся по груди. Так долго сдерживать собственные порывы, глушить их, не надеясь, наблюдая со стороны, раз за разом отдавая другому – хватило бы у него самого терпения? Вспомнив насмешливую улыбку Сони и изгиб её губ, Сева вздохнул – наверное, хватило бы. Её он готов ждать вечно, главное, чтобы эта вечность не слишком растягивалась во времени.

– Эй, Севка! – Пашка помахал рукой и закричал, не успев дойти до входа в кафе. Солнце отразилось в ярко-голубых вихрах: Пашка возглавлял детское отделение и старался идти в ногу со своими пациентами. – Давно не виделись, – уже ближе. – Как дела? – подойдя и рухнув на стул с такой силой, что тот жалобно скрипнул.

– Как ты относишься к Диме? – без предисловий начал Сева.

– К Дмитрию Николаевичу? Отлично. Странный вопрос. И выбор кафе для встречи странный, я бы предпочёл шаурму.

– Кто бы сомневался, – съязвил Сева и потёр виски – разговоры начинали утомлять. Какое-то бесконечное утро, и всё ради того, чтобы устроить личную жизнь начальства. Когда всё закончится, надо будет выставить ему счёт. Или выпросить отпуск. Или заглянуть в Минздрав к Соне.

– Так что с он? – нетерпеливо спросил Пашка. – Я жутко проголодался, а кормят тут не очень.

– Ну да, на твой-то изысканный вкус. – Сева кисло улыбнулся, послал извиняющийся взгляд в сторону проходившей мимо официантки.

– Эй, что не так с моим вкусом, зануда?!

– А как ты относишься к Наташе? – терять время на пустые споры и пререкания Сева не собирался.

– К Наташе? – Пашка распахнул глаза. Сева помнил – в институте он по ней сох, но Антон в глазах Наташи тогда был единственным мужчиной.

– Ты теперь с Машей, у вас вроде всё хорошо. Не хотел бы устроить счастье Наташи?

– Ты о чём вообще? – совершенно растерялся Пашка. – Я, конечно, люблю Нату, но как сестру. Мои чувства к ней в прошлом.

– Никто и не говорит о тебе. – Кто-нибудь, отсыпьте терпения. – Я говорю о Наташе и её чувствах к другому мужчине. К Диме.

– Чего-о? – рот Пашки слегка приоткрылся, во взгляде расплескалось удивление. – Что за бред ты несёшь?

– Разве бред? Сам подумай. Вспомни, как они всегда относились друг к другу. Неужели ничего не замечал?

– Да не было ничего такого! Она же Антона любит!

– Видимо, уже не любит. – Сева вздохнул: опять приходится объяснять очевидные вещи. – И если бы её чувства вдруг оказались правдой, неужели ты бы не захотел помочь?

– Помочь? – переспросил Пашка, почесав затылок. – Да, наверное... Конечно же хотел бы!

– Представь, как ей трудно признаться ему, – проникновенно проговорил Сева. – Она наверняка боится получить отказ.

– Ну, я бы тоже боялся, – захихикал Пашка, но неожиданно быстро посерьёзnel: – Слушай, но ведь это понятно. Кто знает, что у Дмитрия Николаевича на уме. Я ещё в институте его побаивался.

– Я знаю, – веско бросил Сева. – Если бы не знал, не стал бы тебя просить.

– Даже так? – Пашка снова хихикнул. – Вот это новости! Дмитрий Николаевич... Надо же!

– От тебя многого не требуется. Просто сделать одну вещь, когда я тебе скажу.

Снова оставшись один, Сева устало откинулся на спинку стула и потёр переносицу. План был прост до безобразия, даже стыдно подумать – слишком нарочито, грубо и напрочь лишено изящества. Но порой приходится наступать на горло своим гениальным мыслям и действовать именно так: напористо и с нахрапом. Собрать компанию старых друзей, заманить туда Диму и Наташу, создать обстановку, при которой они будут максимально близки, и... напоить. Кстати, эта часть вызвала больше всего опасений: нельзя переборщить, но недожать тоже нельзя. Выбрать правильный алкоголь, проследить за степенью опьянения, проконтролировать, чтобы Дима пошёл провожать Наташу. А там... Учитывая возросшее сексуальное напряжение, которое будет постепенно повышаться вне зависимости от действий окружающих, между Наташей и Димой наверняка что-то произойдёт. Не секс, конечно, первый раз они явно захотят запомнить во всех красках. Но поцелуй более чем реален. И тут начиналась любимая часть его плана: утро. Когда нужно вспоминать, можно списывать на опьянение, хочется скрыться или сделать вид, что ничего не произошло. Этот этап был слишком ценен, чтобы его пропускать: взаимная неловкость и желание повторить то, что уже успел распробовать. Именно на него Сева возлагал основные надежды: именно тот толчок, который нужен Диме, чтобы подтолкнуть к активным действиям. После которых помощь со стороны уже не понадобится.

Одиннадцатая глава

Небо потемнело, за городом рассыпались звёзды, но на улицах всё сияло, как днём. Многочисленные фонарики пересекали дороги, раскачиваясь над головами; вывески светились ярким неонам; у небольших лавочек таинственно мерцали огоньки. Перемешивались ароматы уличной еды и хризантем, духов и алкоголя. Дима неспешно прогуливался по центральной улице, удерживаясь от того, чтобы не сжать виски руками и не испариться. Опять поддался на Севины переговоры, и ради чего? Сейчас бы домой, под душ, а потом – в парк. Поймать ускользящее осеннее тепло, проветрить голову. Он даже шагнул в темноту одного из переулков и успел сделать несколько шагов, надеясь исчезнуть как можно более незаметно.

– Дмитрий Николаевич, – Сева качнул головой, заметив манёвр. – Нас ждут.

– Правда? – Дима взъерошил волосы и улыбнулся. – Я уже забыл.

– Посидите часик с друзьями, а потом идите куда хотите. – Боясь, что он снова повторит попытку, и в этот раз – удачно, Сева пошёл чуть позади, словно ведя его под конвоем. – Вас очень ждут.

– Не то чтобы я не люблю встречи с друзьями, – обречённо вздохнул Дима, смиряясь, – но предпочитаю приходить на них по собственному желанию, а не потому что так надо. Может, как-нибудь в другой раз? Вы отлично посидите без меня.

– Нет! – Сева грозно сверкнул глазами. Новый усталый вздох – победа осталась за Секой.

– Почему я позволяю тебе мной командовать? – задумчиво протянул Дима, когда впереди заблестела чёрная гладь озера, подсвеченная огнями фонарей вдоль берега.

– Может, потому что я делаю за вас почти всю бумажную работу? – ехидно ответил Сева.

– Если бы всё сразу заносилось в компьютер, не пришлось бы копаться в бумажках.

– И необходимость во мне отпала бы?

– Нет. – Дима скосил глаза и нехотя признал: – Во многих вопросах ты действительно незаменим.

– Это вы ещё и половины не знаете.

Сева усмехнулся одним уголком губ и кивнул на беседку, к которой вёл длинный узкий мост. Жёлтый свет круглых лампочек превращал её в светящийся шар. Из-за перепада света и тени сходу разглядеть, кто в ней сидит, не получалось, зато отчётливо слышался громкий смех Пашки и крики Вани. Дима вздохнул, на этот раз про себя – конечно, не надеялся провести вечер в тишине, но барабанные перепонки наутро придётся подлечить. Пока они шли к беседке, поднялся лёгкий ветер. От воды несло прохладой, и постепенно голова прояснялась, хотя на настроении по-прежнему лежал налёт раздражительности и детского упрямства. Однако Дима не стал выплёскивать его, набросил улыбку на глаза и спокойно шагнул под крышу, подняв руку в приветствии.

– Привет!

Тихий звук с лёгкостью перекрыл царящий шум. Сразу несколько пар глаз метнулись к Диме, Ваня и Пашка подскочили с мест.

– Не помешал?

– Наконец пришли, – весело воскликнула Полина. – Мы вам место оставили!

Взгляд прошёлся от её левого плеча дальше, к Наташе и пустоте рядом с ней. Это выглядело странно, ведь дальше преспокойно сидел Ваня, но задумываться о причинах не хотелось. Воздух будто потеплел, усталость слетела, глаза вспыхнули реальной, не фантомной, улыбкой, зрачки слегка расширились. Сева, не сводивший с Димы глаз, слегка подтолкнул его к свободному месту и сам уселся во главе стола. Компания сидела уже полчаса, пустые пивные бутылки были сдвинуты в сторону, на мангале истекло соком мясо. Дима только сейчас понял, что за весь день так и не успел поесть, не считая завтрака чуть тёплым кофе в кабинете. Опустился

на скамейку рядом с Наташей, поймал её взгляд, задержал на секунду, прежде чем кивнуть и улыбнуться теплее. Но не успел даже взять вилку – в ладони тут же возник стакан.

– За молодость!

– Подожди, – усмехнулся Дима, собираясь отставить стакан, – дай хоть поесть.

– Что я слышу! Ты боишься пить на голодный желудок?

– Не ты ли всегда говорил, что забота о здоровье прежде всего? – иронично спросил Дима и снова потянулся за вилкой.

– Ха, точно! За главврача и его здоровье!

Все тут же подняли стаканы и бутылки, и Диме ничего не оставалось, как согласиться. Виски обдал жаром глотку, разлил тепло по желудку и прогнал остатки раздражения. Дима с удивлением заметил на своей тарелке овощи и пару кусочков жареного мяса. Приподнял бровь, покосился на Наташу, услышал почти беззвучное: закусите. Безмолвно ответил глазами: спасибо. Она небрежно пожала плечами: не за что.

После разговора, произошедшего два дня назад, её до сих пор кидало то в жар, то в холод. Было в нём что-то, всколыхнувшее тёмную, пугающую сторону души. Наташа не собиралась строить догадки о месторасположении второй родинки. Но не строить попросту не могла. Знала, что Дима сказал это специально. Так же подозревала, что второй родинки попросту не существует, или находится она где-то на... ноге. Но расшалившийся разум подбрасывал столько пикантных вариантов, что оставалось только краснеть и гасить не в меру разбушевавшуюся фантазию холодными ладонями, прижимаемыми к щекам.

Разговоры вновь сместились к обсуждению последней операции Пашки, Ваня шумно комментировал, и, воспользовавшись тем, что никто не обращает на них внимания, Наташа, словно невзначай, коснулась своей шеи ровно в том месте, где, как она запомнила, находилась злосчастная родинка. Дима, только что опрокинувший в себя третий стакан, заметил это движение и заинтересованно склонил голову. Наташа беззвучно усмехнулась и показала один палец, потом второй и вопросительно приподняла брови. Алкоголь выжигал смущение, подпитывая азартом с лёгкой ноткой вседозволенности, адреналин разносился по венам, придавая смелости. Она пристально наблюдала за его выражением лица, за тем, как застыл взгляд, когда он попытался понять, о чём речь. Вспышка понимания, откровенная усмешка в серой глубине, и его глаза опустились вниз.

– Да ну вас, – прошептала Наташа, моментально вспыхнув и отвернувшись. Сева легонько пнул Ваню ногой под столом, тот открыл было рот, чтобы громогласно возмутиться, поймал серьёзный взгляд, кивнул и неловко завалился на Диму.

– Силы уже не те – так пить, – хохотнул Ваня, пойманный крепкой рукой. Но, успев подхватить друга, сам Дима почти завалился на Наташу и теперь его плечи крепко держали её руки.

– А может, нашему зожнику надо помедленнее знакомиться с зелёным змеем? – ехидно сказал Дима, выпрямляя Ваню и выпрямляясь сам.

– Что за ерунда! Во мне столько силы, что хватит перепить вас всех! Кстати, о перепить...

– Вань, – с тихой угрозой в голосе сказал Сева. Этого он и боялся – на Ивана Голикова можно положиться во всём, без сомнений доверить свою жизнь, но никогда не отнять желания соревноваться с Димой!

– Кстати о силе, – вмешался Женя, – что вы думаете об урагане, который обещают на следующей неделе?

– Жень, – прошипела Полина.

– А что, – тихо откликнулся он, – когда надо поддержать разговор за столом, стоит заговорить о погоде.

Сева едва не удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Да, план был идеален, но даже в самом идеальном плане всегда найдутся крохотные трещины, из-за которых всё может пойти не по плану. Не то, чтобы он это не предусмотрел, но не так же быстро!

Двенадцатая глава

Вечер. Такой вечер был у Димы вечность назад. Или никогда. Сидеть рядом, чувствовать тепло тела, просто наслаждаться – он позволил себе расслабиться. Смеяться, забыться, отдаться моменту. Откидывать голову, даваясь воздухом от Ваниных шуток, поднимать стакан под очередной тост, чувствовать тепло, исходящее от Наташи...

Наташа млела. От его раскатистого, низкого, бархатистого смеха. От того, как щурятся его глаза, устремляясь в потолок. От жара, что прожигал даже сквозь ткань – пара сантиметров, что между ними. Желание стать ближе возрастало, взгляд туманился, но организм контролировал опьянение без её желания, она медленно, но верно трезвела. А Дима пьянел. Было видно, как постепенно мутнеют его глаза и расширяются зрачки. Но. Наташа была трезва, а он, внезапно, пьян, и эта мысль кружила голову почище самого крепкого алкоголя.

Его голос звучал громче, движения становились раскованней, а взгляд – горячее. Нет, Наташа не была против любого из этих проявлений, но хотелось их впитать именно в себя. Не расплёскиваясь на других. Всё больше одолевало желание сгрести его в охапку, увести в тёмный безлюдный переулок и... После «и» мысли обрывались, но желание оставалось. По-прежнему тёмное, жгучее, пульсирующее внизу живота. Она незаметно подвинулась, теперь сидела почти вплотную, касаясь его колена своим. Ловила каждое слово, ловила взгляд, залиристо смеялась, не забывая подкладывать еду ему на тарелку. Хотелось увлечь разговором, перевести внимание на себя, напомнить, что рядом. Но Диму постоянно отвлекали, не было и малейшей возможности перевести тему, вклиниться, перебить. Однако даже простого его присутствия в почти nepозволительной близости было достаточно.

Пиджак, аккуратно сложенный, висел на спинке стула. Волосы растрепались, прилипли к вискам чуть влажные пряди. Наташа впитывала его образ, открытый, беззаботный, думая, что слишком редко удавалось видеть его таким. Что хотела бы видеть таким всегда. Без скорбной тени в глазах, без усталости и замков, на которые запирает себя настоящего.

Сева тихо зверел. Он позвал Ваню, чтобы расслабить вечно напряжённого в компании коллег и бывших студентов Диму, но о том, чтобы тот так рьяно принялся за это самое расслабление, разговора не было. Закинув руку на спинку соседнего стула, Дима несколько раз пытался сдвинуть её ближе к спине Наташи, но постоянно возвращал на место. Сева видел, как она смотрит, да что там смотрит – буквально в рот заглядывает. Как подвинулась так близко, что кончики её волос уже лежат на его плече. Но Ваня упорно продолжал наливать, отвлекая от главного. Польша почти повисла на Жене, забыв обо всём на свете, Пашка строил глазки Маше. Ваня вдруг громко начал рассказывать, как на прошлой неделе ездил к тёще на дачу, наконец переключив внимание на себя. Воспользовавшись моментом, Сева кивнул Пашке, подзывая к себе, поднялся и отошёл к выходу из беседки.

- Пора? – глаза Пашки горели предвкушением.
- Думаю, когда начнётся фейерверк. Только у нас изменения в плане. Не Наташа. Дима.
- Дмитрий Николаевич?.. – неуверенно спросил Пашка.
- Да, – серьёзно кивнул Сева, покосившись на стол. – Ему надо освежиться.

Смех становился громче, Ваня явно вошёл в кураж, предложив конкурс забавных рассказов и приз – пару помятых билетов в кино, которые достал из кармана. Набравшись смелости, Наташа наклонилась и прошептала прямо на ухо Диме:

– А за кого вы болеете?

– Я? – он даже не повернулся, но сейчас это было неважно. Она жадно смотрела на его профиль, на прядь волос, упавшую на длинные ресницы, и дышала, дышала запахом разгорячённого тела: терпким потом, виски и чем-то ещё, сладковатым, почти на грани слышимости. – Болеть за кого-то из своих подчинённых не к лицу главврачу, – наконец ответил он.

Немного отстранился и повернулся. В глазах полыхало чёрным, волнующим. Зрачки затопили радужку, превращая в опасного хищника. Наташа нервно сглотнула, когда его взгляд спустился ниже, к губам, но тут же взлетел обратно. – Вы все для меня равны. А ты? – тихо выдохнул он.

Наташа моргнула – успела забыть свой вопрос. Мысли путались, разбегались в стороны, а сердце заняло всю грудную клетку. Предложить ему уйти? И к чёрту всё, что будет потом.

– Все равны? – уцепилась за фразу, пытаюсь взять себя в руки. Глупо. Так глупо это всё – и вечер, и близость, и собственные желания, пугающие до сладкой дрожи.

– Почти все, – прошептал Дима, вновь мазнув взглядом по губам. – Есть особенные.

– Правда? – Наташа рассеянно подумала, что вот-вот умрёт от тахикардии. И даже лучший кардиолог, сидящий рядом, не поможет.

– Правда. – Что-то в его низком голосе заставило сердце остановиться. Рухнуть в желудок, оставив после себя звенящую пустоту. – Например, ты.

Лучики брызнули из уголков глаз. Наслаждаясь её замешательством, Дима поднял руку и взьерошил светлую макушку в надежде хоть немного ослабить натяжение внутри, но пальцы не слушались. Пришлось приложить усилие, чтобы убрать ладонь, не провести по спине, задевая позвонки.

– Дмитрий Николаевич, Ната! Идите смотреть на фейерверк! – голос Пашки разорвал марево, которое их окружало. Наташа моргнула, с удивлением огляделась: остальные успели облепить перила беседки, любуясь первыми распускающимися цветами в чёрном небе. Дима поднялся, слегка пошатнулся, но протянул руку, помогая Наташе. Тут же отступил, пропуская, шагнул следом. Они встали рядом, но недостаточно близко.

Хотелось наблюдать, как переливаются краски на её лице, как отражается каждая вспышка в глазах, но пришлось небрежно подпереть квадратную колонну плечом и уставиться на фейерверк. Голова гудела, не сильно, но достаточно, чтобы злиться на себя за беспечность и потерю бдительности. Контроль неизбежно и неотвратимо трещал по швам и расползался на лоскуты, обнажая незащитные чувства. Терпеть близость Наташи было невыносимо настолько, что зудела кожа. Не смотреть на то, как её колени обтягивает светлая ткань платья. Как приподнимается грудь, когда она дышит. Как аккуратно обхватывают пальцы бокал. И не дышать, забывая лёгкие её свежим, волнующим ароматом. Он оказался не готов к эмоциям такой силы. Старался отвлечься, но мыслями уже был с ней. Обнимал, зарываясь в волосы, пробовал на вкус, касаясь шеи губами, сбивал платье к бёдрам, обнажая кожу. Ему было жарко. Горячо даже от одних картин, что подкидывало воображение. Если раньше хотел защитить, сберечь, то сейчас – только обладать. Чувствовать тяжесть её ног на своей спине, вырывать грудные стоны, двигаться, пока хватает воздуха, пока перед глазами не заплывут чёрные точки. Дима не мог утихомирить эти мысли, всё, что мог – пообещать себе, что сразу после фейерверка уйдёт. Пока хватает сил и окончательно не покинул разум. Пока можно списать всё на алкоголь и не придётся краснеть на утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.